Вечный. Кто есть кто

Автор:
Роман Будеев

Вечный. Кто есть кто

Сергей Витальевич Будеев

Роман Валерьевич Злотников

Мир ВечногоХоаххин #3

Порой нам кажется, что в обыденности нет места подвигу. Моросящий дождь, гремящая электричка, толпы озабоченных людей… Даже если «электричка» эта – старенький космический буксир, а дождь идет на другой планете. Но в мире Вечного место для подвига найдется для любого его обитателя. И именно в тот момент, когда смерть с ехидной улыбкой поманит тебя костлявым пальцем, ты поймешь наконец, на что способен сам, на что способны твои друзья и твои враги.

Роман Валерьевич Злотников, Сергей Витальевич Будеев

Вечный. Кто есть кто

Предисловие

«Сделать человека счастливым

не входило в план сотворения мира».

З.?Фрейд

Традиция высокого собрания Большой Аалы четырех трапеций власти предписывала Могущественным подобного рода документы всегда заканчивать именно призывами к взаимопониманию. Поэтому, просматривая последние строки сообщения, Древнейший нисколько не сомневался в том, что последует за смысловой частью меморандума.

«Могущественных всех трапеций призываем к единению,

Могущественным четырех трапеций предлагаем изучить путь обстоятельств,

Старейшим предлагаем прекратить прения,

Могущественных призываем последовать воле Творца».

Древнейший давно уже не примыкал ни к одной из трапеций власти, сотворенных Изначально Изгнавшим, и его пигментация не имела отношения ни к силовым, ни к научным сферам деятельности. Он прошел через все это тысячи тысяч лет тому назад и не видел ни возможности, ни необходимости в единении. Его сознание было так же не замутнено сомнениями в целях Творца, как и тогда, когда только-только поднималась первая Алая волна. Его вечное тело служило ему уже целую вечность, потому на его серой коже были видны рисунки от игры чьих-то клинков, которые были столь глубоки, что следы от них так и не смогли зарубцеваться, каким бы идеальным с точки зрения любого смертного существа ни был процесс регенерации его организма. Древнейший ждал этого меморандума очень давно, ждал с того самого времени, когда передовые корабли Алых принесли вести о столкновении с необычным видом, видом, претендующим на звание Хомлоков. Диких Хомлоков-разрушителей.

Его «юный» друг, принесший ему эту скорбную весть, учтиво опустив алые крылья и сомкнув локтевые когти, ожидал, когда Древнейший позволит ему высказать свое мнение относительно распространенного меморандума. Но его учитель не торопился. Наконец он прикрыл кристалл ладонью и чуть пошевелил кончиком правого крыла, разрешая Звенящему поменять позу почтительного ожидания и открыть свой рот.

– Древнейший, я примчался к тебе сразу, как только до меня дошли вести о завершении Большой Аалы, но я, так же как и многие, не ожидал, что все закончится вот так. Так удручающе и так фатально для всей нашей расы… «Большое Крыло», все мои сторонники, полны решимости отстоять свое мнение относительно сущности этого вида «диких», и твои исследования очень важны для нас…

Выплеснув первые эмоции, которые ему пришлось хранить в себе так долго, – хранить от Старейших своей трапеции, хранить от низших, сопровождающих его корабль, – Звенящий, не заметив в поведении Древнейшего даже намека на удивление или раздражение, вновь принял позу учтивого ожидания. Он предлагал своему наставнику снизойти до объяснения его отношения к принятому Большой Аалой меморандуму, перевернувшему его личное отношение к происходящему на границе с «дикими».

– А что здесь удручающего? – мягко начал Древнейший. – Или фатального? То, что Старейшие не смогли отвергнуть волю Творца в трактовке Хранителей? Или то, что они так легко отреклись от тысячелетия собственных ошибок и бездарной траты ресурсов? Или то, что изначально не заметили в этих «диких» гораздо большей опасности для нашей миссии, чем во всех предыдущих расах, вместе взятых? Слишком долго, мой друг, нам удавалось выполнять свой долг перед Творцом без существенных потерь. Слишком давно мы не задумывались о том, что любая вечность рано или поздно заканчивается… Вместо того чтобы пытаться стройными рядами загонять новых подданных в свою империю, Старейшим стоило прислушаться к голосу разума, стоило понять, что движет этими «дикими», почему такие трусливые и неуравновешенные существа вдруг, внезапно, превращаются в сплоченную и несокрушимую силу, переворачивая навзничь всю эту разноцветную лабуду Проникающих…

Древнейший прикрыл глаза и словно застыл в позе отрешенности от происходящего. Небосвод успели затянуть низкие темные облака, предвещавшие холодный ливень. Светило этого удаленного от сферы влияния Могущественных мира давно склонилось к закату. И лишь когда первые крупные капли дождя упали на ближайшие к Древнейшему камни невысокой горной цепи, на которых расположились двое крылатых, тогда одно из самых старых существ, когда-либо существовавших во вселенной, наконец, изменило позу и продолжило свой монолог:

– Тебе, мой юный друг, не стоит более обременять себя беседами со своим бывшим наставником. Мои убеждения в конце концов заставят тебя отречься от Алой трапеции, а ты еще не готов к этому. Пять тысяч лет, слишком малый срок для осознания всей глубины замысла Творца. Поэтому – прошу тебя – вернись в свой мир и забудь о наших разговорах. Так же, как все мои бывшие воспитанники забыли обо мне. Придет время, и ты, пройдя длинный путь, за время которого, возможно, тебе придется не раз сменить пигментацию своей кожи, поймешь все сам. Прошу тебя только о двух вещах: забудь о моих поручениях, связанных с получением артефактов веры Хомлоков. Дальнейшее исполнение этого поручения может привести к полной утрате тобой доверия к Алой трапеции власти. А также закрой все ноль-циклы, через которые мы с тобой получали материал из миров Хомлоков. Все материалы, полученные в ходе проделанной мной работы, ты сможешь забрать на Базовом планетоиде. Думаю, что для твоих друзей из «Большого Крыла» они будут представлять большой интерес.

– Но… – взволнованно начал Звенящий, однако крылья Древнейшего взметнулись вверх в знак того, что это решение окончательное и более не подлежит обжалованию и обсуждению, поэтому юный Алый осекся и покорно промолчал.

– А теперь, прошу тебя, оставь меня одного…

Глава 1

«Обстоятельства личного характера»

«Бог нас всегда окружает теми людьми, с которыми нам необходимо исцелиться от своих недостатков».

Симеон Афонский

Порыв разъяренного чем-то ветра отчаянно врезался в полярные балки?, кольцом окружающие площадку с вездеходами, среди которых затесался дежурный импульсный атмосферный джампер, больше похожий на черного,

опустившего вперед тяжелую голову ворона. Не зафиксированные магнитным замком ставни балка грохнули о створки окна, вновь распахнулись и опять грохнули. Уголь тяжело оторвался от помятой подушки и потянулся к пульту. Ставни щелкнули замками-фиксаторами и затихли. Включилось освещение. Мягкий матовый свет наполнил крохотное помещение спальни. Осень на Луковом Камне – «сезон летающих кошек». Инструкция предписывала вахтовикам передвигаться по открытой местности только на специально оборудованных транспортных средствах, а внутри «жилой зоны» – с активированными браслетами, стабилизирующими положение тела в пространстве и исключительно вдоль специальных силовых коридоров безопасности. Неожиданные порывы ветра в, казалось бы, совершенно безветренный день могли достигать тридцати, а то и сорока метров в секунду. Как-то один раздолбай вышел подышать на крылечко без браслетов, потом целый час ловили его сетью, растянутой между вездеходами. Уголь зевнул и скосил глаза на циферблат локального времени, на котором четыре голубоватые цифры складывались в неприятное для первого отпускного дня значение – шесть часов двадцать пять минут утра.

– Вот зараза. А какой сон… Какой… А какой?

Уголь обиженно наморщился и, откинув с коленей одеяло с автономным подогревом, побрел в душевую кабинку.

Планета Луковый Камень – совсем не то место, куда прилетают для погружения в нирвану или за охотой на сладкие сновидения. Если бы не наличие в атмосфере достаточного количества кислорода и азота, а на поверхности планеты россыпей редких и крайне востребованных руд, не быть бы ей обитаемым миром. Нет, пришлых она сильно не терзала и просто так, «из спортивного интереса», не убивала. Но суеты и равнодушия к себе не прощала никому. Несколько сотен лет тому назад заселились сюда выходцы из Сибири и планета, конечно, вошла в состав конгломерата Российской империи, оказавшись впрочем, на самой его периферии. Представители центральных властей, или, как их величали местные, «имперцы» (иногда просто «перцы»), излишнего внимания к себе не привлекали, а посему миром этим правило великое, вечное и ветхозаветное. Население Лукового Камня в основном состояло из промысловиков, геологов, шахтеров и охотников. Причем скопление в межсезонье в местном баре двух десятков представителей таковых можно было считать большим сходом, а собрание в пятьдесят человек обладало уже и законодательным правом, в рамках, конечно, конституции Империи. Еще одной

отличительной чертой этого мира, как ни изгалялись местные власти, искусственно создавая рабочие места в столовых, барах и прочих объектах коммунальной инфраструктуры, которая могла бы совершенно спокойно обойтись без ручного человеческого труда, было непропорционально малое количество присутствующих здесь представительниц прекрасного пола. Поэтому даже самая непривлекательная из них чувствовала себя на этой планете королевой и пожаловаться на отсутствие внимания со стороны мужчин не могла.

Поселок геологов, расположенный всего-то в каких-нибудь двухстах километрах к югу от вахты, был своего рода центром прилегающих окрестностей. Разумная жизнь здесь предпочитала тусоваться в поселковой столовой. При том что на вахтовых заимках питание состояло в основном из походных рационов, утреннюю кашу и бекон с шипящей масляными брызгами яичницей уважали все. Ну а особенно те, кто только что сменился. Они же подначивали косматых и частенько небритых охотников, прибывающих в поселок в межсезонье, интересуясь, не отгрыз ли им за зиму медведик причинного места. На что получали встречкой другие коронные вопросики, типа не видал ли кто из них Хозяйку Медной горы или не вышел ли у кого задом каменный цветок.

Войдя из стандартного трехслойного шлюза в прихожую «заведения», Уголь, уже стягивая лицевую маску и отправляя легким пинком заиндевевшие унты в специально отведенную для них нишу в шкафчике прихожей, расслышал из большого зала отчетливый бас Петрухи, который развлекал «каменотесов» каким-то новым, явно свежевыуженным в Сети анекдотом. Он, конечно, был не единственным ранним посетителем, просто его рев с лихвой перекрывал и звон тарелок, и веселый щебет официантки Леночки, и натужный гул настенного коммуникатора, доносящего до граждан информацию о том, что наши доблестные и сердобольные пограничники не стали с ходу жечь очередного нарушителя космического пространства РИ и теперь отважно гоняются за ним. Но при этом категорически просят население не принимать самостоятельных мер к его поимке, а тем паче отстрелу, дабы тем самым не чинить препятствий и неудобств законным представителям власти.

Петруха, заметив приятеля, резко отодвинулся из-за стола, сдвинув своим поджарым задом пластиковый стул феерического оранжево-бордового цвета, и жестом пригласил Угля присоединиться к нему за уже оккупированным им столиком. После чего со всей дури сжал протянутую ему руку, при этом ни на мгновение не останавливаясь и продолжая оглашать огромный зал концовкой недосказанного еще рассказа.

– И где смеяться? – скривившись, буркнул хмурый, наголо бритый геолог, с заметным удовлетворением доедающий свою порцию. Он на мгновение оторвал взгляд от пустеющей тарелки и перенес его на рассказчика.

– Да тьфу на тебя – через полчаса дойдет, так будешь ржать на морозе и подхватишь пневмонию.

Геолог, не ответив, опять опустил голову над своей тарелкой. Судя по всему, он услышал именно то, чего и ожидал. Петруха, хлебнув ароматного горячего кофе, почмокал губами и наконец повернулся к Углю.

– Не поверишь, купил себе новые брюки и какой-то нескладный пластиковый сундучок на колесиках, засунул туда пару носков, зубную щетку и еще кое-чего по мелочи, так еле-еле его закрыл после этого. А где запропал наш третий путешественник? Ты Демида не видел? У него коммуникатор не фурычит опять. Нужно будет ему на днюху новый подарить…

Петруху в отличие от Угля и Демида угораздило родиться на Луковом Камне, и он был в их компании самым здоровенным и разговорчивым. У него здесь недалеко (ну, по местным меркам), всего в двух тысячах километрах на юго-запад, на островном архипелаге имелся дом и батюшка-пенсионер, который ни в какую не хотел покидать этот суровый мир. И этот батюшка имел нрав весьма суровый. Так что сына он держал в ежовых рукавицах, строго контролируя все его расходы и отказываясь признавать за ним какую бы то ни было самостоятельность, «пока балбес не оженится и семью не создаст». Возможно, именно поэтому Петруха при первой же возможности сбегал с планеты под предлогом поиска своей второй половинки. Впрочем, возможно, и не под предлогом… А кому бы из холостых мужиков на Луковом Камне не хотелось иметь под боком такую половинку? И для этого всего-то требовалось найти таковую и заманить на планету. Что, впрочем, ни Петрухе, ни другим подобным пока не очень-то и удавалось. Нет, найти-то как раз было не проблематично, а вот заманить…

– Ты ему подаришь что-нибудь навороченное – так он покрутит, повертит в своих ручищах и уберет в тумбочку. Пусть уж лучше сам выбирает.

Уголь прилетел на Луковый Камень лет десять тому назад. Прилетел с Тантры, названной так в честь первого звездолета, коснувшегося поверхности этого

мира. Его планета, как говорили старожилы, больше всего походила на матушку Землю, не только климатом и гравитацией, но и даже очертанием материков. У нее были бы шансы стать центральной в конгломерате РИ, если бы не ее удаленность от основного скопления промышленных миров и базовых логистических направлений. Хотя заселена она была довольно плотно. А основной ее специализацией стала научная деятельность. Сам Уголь по окончании Оскольского политеха жаждал романтики дальнего космоса и после недолгих сборов сорвался сюда, куда, как пели его предки, «не ходят поезда».

– Да ладно. Что я, совсем пнем пень? Ты думаешь, тот коммуникатор, который он уже три года с собой таскает, кто ему подарил? А? Сам он себе его будет еще два года выбирать, а когда выберет, эту модель снимут с производства…

Демид, воплощенное спокойствие, также не был рожден на Луковом Камне, но подходил для этой планеты как никто другой. Таких, как он, планета ласкала и баловала. В какую бы засаду ни залезали эти счастливчики, планета их прощала и отпускала. Почему? Может, потому, что они ее любили. Любили больше, чем не нужный им комфорт, любили больше, чем пресловутую романтику. Такие, как Демид, всегда твердо стояли на каменных россыпях ее поверхности и, любуясь долгими радужными закатами, смотрели вдаль без страха и без ненужных детских восторгов. Откуда его судьба закинула сюда – никто не знал. Спрашивать об этом молчуна было как-то неудобно. А сам он не считал данную информацию интересной для окружающих. Если бы не настойчивость друзей, ему бы и в голову не пришло, что отпуск дан человеку, чтобы отдыхать, причем для этого еще и нужно переться незнамо куда. Впрочем, курортные планеты Демид, как утверждал Петруха, исследовал с большим удовольствием, однако всем было видно, что с еще большим удовольствием он возвращался домой. Возможно, для него все эти поездки служили лишь подтверждением того, что Луковый Камень является единственным достойным для проживания местом.

– А ты чемодан уже собрал?

– Я его и не разбирал. На фига мне здесь плавки, ласты и лазерный спиннинг?

В этот самый момент внутренняя дверь шлюза чавкнула пневмозапором, провалившись в узкую щель проема. Возникший в проеме Демид, окинув взглядом помещение и не торопясь переобувшись, степенно двинулся в сторону столика, занятого друзьями…

Любой человеческий мир состоит из целого каталога расписаний. На Луковом Камне этот каталог начинался со времени восхода и заката, а заканчивался графиком движения «электрички» – старенького межпланетного парома, который по извилистому маршруту собирал и развозил своих пассажиров по обитаемым мирам сектора «Лямбда». Большая часть этих людей, как правило, стремилась добраться до орбитального пересадочного терминала Гранд Петербурга, с которого, в свою очередь, открываются пути в глубокий космос, занятый другими конгломератами или еще дальше, не занятый до сих пор никем.

Следуя этой логике, ночью следующих суток трое друзей, сонно переругиваясь и пихая своими чемоданами третьего, перейдут из кабины орбитального лифта на пассажирский пандус «электрички», которая вырвет их из жадных гравитационных объятий Лукового Камня. А затем, неторопливо гремя от перегрузок металлическими внутренностями, потянет вдаль, на встречу с невиданным и не познанным. Ведь именно так, рутинно и буднично, по расписанию, под мелкий моросящий дождь и под поскрипывание старого фонаря, часто начинается в нашей жизни все самое интересное, самое неожиданное и самое опасное (вплоть до летального исхода)…

* * *

Неладно что-то было в «датском королевстве».

Ни густая сеть морщин, прорезавшая ее когда-то юное и прекрасное лицо, ни хлопоты с «поклонами» по инстанциям ради назначения ей положенной по годам пенсии с надбавками за потерю кормильца, ни прочая ежедневная суета – не могли вытеснить из ее сердца нехороших предчувствий и тревожных снов. Что-то большое и темное, словно летняя грозовая туча, надвигалось на незаметную и никого не обременяющую собой жизнь Натальи Андреевны. Это «что-то» щемящим тоскливым холодком заползало под ребра и ледяными тисками сжимало ее грудь. Уже много лет, с того самого момента, когда была объявлена угроза вторжения и ее муж, даже не успев позвонить и предупредить ее, прямо с базы на Светлой помчался на перехват кораблей Алых, Наталья не сталкивалась с этим предательски отчаянным чувством безысходности. А муж ее, лейтенант космодесанта Тимофей Петрович, так тогда и сгинул, касатик, пал, значит, смертью храбрых. Ее же, молоденькую учительницу с тремя детишками на руках, вместе с другими женами комсостава эвакуировали со

Светлой последним транспортным кораблем, успевшим вырваться из той бойни. Посему планета Янтарная, на которой в итоге они и прижились, стала для нее, ее сына и двух дочерей вторым домом.

В общем, дом оказался хорошим. После всех бед, обрушившихся на семью на Светлой, жизнь на Янтарной оказалась вполне себе спокойной. Даже проводы на пенсию оказались куда торжественнее, чем планировалось. Коллеги-друзья из безусловного почтения, а недруги от нескрываемого облегчения закатили в школьном актовом зале беспрецедентное чаепитие с ватрушками и бубликами, и кажется, не только физрук на радостях и втихомолку что-то подливал себе в чай. Долги были отданы, счета оплачены, а младшая правнучка, с недавних пор гражданка Содружества Американской Конституции, родила месяц назад Наталье праправнучку и пригласила прапрабабушку к себе в гости на неопределенное время, дабы не был утрачен стойкий дух русской традиции в кроне их семейного древа. Муж правнучки Том, приятной наружности мальчик лет тридцати, «похитил» кровиночку с родной планеты года три тому назад. Правда, кто из них кому вскружил голову за те полгода, что Том работал на Янтарной по краткосрочному контракту, это еще можно было поспорить. Но не суть. Правнучке там, в далеком чужом мире было одиноко, а отрываться от своих корней она явно не собиралась. С визами для граждан Империи, с их-то пенсионным обеспечением, САК не скупилось, вот и нашлось дело для «молодой» пенсионерки на старости лет.

Таксист, припарковав машину на ближайшей полянке, прошел через аккуратный палисадник и уже возвращался обратно, ловко жонглируя на ходу четырьмя объемистыми чемоданами. Наталья бросила прощальный взгляд на свое жилище. Ни слез, ни тоски не было в ее глазах. Раз позвали – значит, нужна, а не в этом ли счастье? Почему-то опять вспомнился муж, вспомнился молодым, таким, каким ушел на войну. Вспомнились его слова про Долг перед Родиной и Императором. Наверное, молодость не ставит перед собой других задач, не видит долга перед самим собой, долга перед Создателем, долга перед вечностью. Может, это слишком громоздко, слишком размыто. А ведь чего проще хотя бы попытаться жить безо лжи, лжи повседневной и лжи перед своими страхами, лжи во спасение и лжи в оправдание…

Небольшой провинциальный орбитальный космопорт, некогда созданный на месте наскоро отреставрированного ремонтного дока, не блистал стеклянными фасадами и никелированными транспортерами. Зато «электричка» приходила и уходила из него строго по расписанию. А пока эта самая «электричка» –

малотоннажный космический паром – принимала в свое чрево багаж немногочисленных пассажиров, к их услугам были мягкие трансформирующиеся кресла зала ожидания. Тут же, прижавшись друг к другу, стояла парочка кофейных автоматов и ларек с электронной литературой, в котором каждый желающий мог не только за умеренную плату прикупить записи последних выпусков популярных голожурналов или пару литературных новинок, включая переводы зарубежной беллетристики, но и подзарядить свой гаджет. Пассажиры чинно прохаживались вдоль рекламных панно, ели припасенные заранее бутерброды и вели соответствующие месту светские беседы о погоде, прогнозах на курсы валют и стоимость пресной воды. Паром, наконец, доверху напичканный всем необходимым для совершения рейса, опустил трап и гостеприимно распахнул бронированные пассажирские люки. В связи с отсутствием пользователей бизнес-класса путешественники, выстроенные в ровную колонну, были доставлены к этому трапу пассажирским транспортером с силовыми поручнями – ограничителями, исключающими любую инициативу в изменении маршрута передвижения.

– Уважаемые дамы и господа! Вас приветствует командир корабля местных космолиний гражданского флота Российской империи. Мы рады вас видеть на борту своего судна и готовы удовлетворить любое ваше пожелание в пределах наших возможностей. Перечень доступного вам сервиса, а также инструкция, регламентирующая ваше поведение в случае возникновения нештатных ситуаций, уже закачаны на ваши коммуникаторы, и мы настоятельно просим вас ознакомиться с этим материалом. Наш лайнер совершает рейс от планеты Янтарная до международного орбитального транзитного центра «Россия-17» в системе Гранд Петербург, с промежуточными стыковками на орбитальных платформах планет Луковый Камень, Калган и Березовка. Прошу вас занять свои места, приятного вам полета.

По какой-то древней традиции металлические жалюзи иллюминаторов поползли вверх, корпус парома завибрировал, а над креслами зажглись значки активации компенсаторов перегрузки. Сидящий в соседнем с Натальей кресле довольно тщедушного вида молодой человек с бледным болезненным лицом без вступлений и светских экивоков произнес:

– Вы верите в Бога? Или в судьбу?

– Я, молодой человек, верю в то, что и Богу и судьбе угодно видеть нас самих в качестве вершителей собственной истории, им не нужен ни наш страх, ни

наше поклонение, им не нужна ни лишняя работа, ни лишняя ответственность. Вы ведь именно это имели в виду?

– Феноменально!

За иллюминатором мелькнули и исчезли блестящие струны орбитального лифта, диск горизонта изогнулся, словно удав в предвкушении скорого обеда, и, наконец, замкнулся в кольцо. Голубовато-зеленоватая сфера планеты в течение двух минут превратилась в крохотную угасающую звездочку, а на панелях вспыхнуло табло с оповещением о включении систем искусственной гравитации и приглашением не спящим посетить буфет, расположенный на верхней палубе парома.

Стыковку на Луковом Камне Наталья проспала. Зато астероидная завеса, делающая любой прибывающий на планету Калган транспорт участником захватывающего, но малоприятного квеста, не оставляла шансов даже самым спокойным приверженцам глубокого сна. Корабль, активируя один маневровый двигатель за другим, вибрировал и трясся, как осиновый лист на ветру. В салоне стихло. Слышно было только слабое жалобное поскрипывание древних перегрузочных компенсаторов и утробный гул реверсивных каскадов корабля. И, как всегда бывает в таких непростых ситуациях, в тот момент, когда всем уже начинает казаться, что стыковка не состоится, корабль, наконец, касается причальной плиты отбойника из пластобетона и неподвижно замирает в позе жучка с раскоряченными в разные стороны ножками гидрозахватов. Шквал аплодисментов разряжает напряженную атмосферу, и неугомонные граждане вновь превращаются в неуправляемую суетливую кашу, главным принципом которой является броуновское движение.

– Уважаемые господа, стоянка на орбитальной станции Малые Свищи планеты Калган составит пятьдесят минут. Желающие размяться могут покинуть корабль и посетить здание транзитного терминала…

Наталья скользнула в общем потоке пассажиров по уже знакомому силовому коридору и оказалась в замкнутом со всех сторон светлом зале, обзорная стеклянная стена которого нависала над технической площадкой стыковочного поля. Поход по сувенирным ларечкам, насыщенным предметами, отмеченными местной атрибутикой, привел к покупке нескольких милых безделушек, центральное место среди которых, безусловно, принадлежало улыбающейся во весь рот матрешке с нарисованными косичками… Возвращаться на паром было

еще рано. Топтаться в царстве «дьюти фри» уже надоело. Она подошла к панорамному окну и попыталась окинуть взглядом бесконечное хозяйство двигающихся под ней от одного парковочного отбойника к другому различных механических созданий, ловко уворачивающихся как друг от друга, так и от прочих статичных и громоздких металлических конструкций.

На мягкой длинной скамейке, расположенной в том же ряду, в котором разместилась она сама, Наталья заметила оставленный кем-то блестящий голографический буклет. Приподняв его за уголок, она раскрыла обложку, и тут же из-под нее на Наталью «вывалилась» крона шершавой кокосовой пальмы, отчетливо запахло морем, и послышался шелест волны, набегающей на белый песок.

– Если вы ни разу не были на нашем волшебном острове, вы зря прожили свою жизнь! – вещал вкрадчивый мужской баритон. – Ласковое море, лазурный берег и белый горячий песок ждут вас, чтобы заключить в свои волшебные объятия. Только на нашем острове вы почувствуете, что такое рай. От вас отступят все ваши невзгоды и напасти, вы забудете о суетливости серых, бегущих чередой, никчемных дней и окунетесь в вечность. А если вам посчастливится вырваться из наших ласковых объятий, вы навсегда запомните это сказочное место, которое еще долго будет манить вас своей очаровывающей красотой и убаюкивающим покоем.

«Посчастливится вырваться» – что это, трудности электронного перевода или изначальная опечатка? Наталья захлопнула буклет и автоматически прочитала мелкий шрифт с контактной информацией на его оборотной стороне. «Океания, «Парадиз Айланд», номер коммуникатора, адрес электронной почты, скидка десять процентов предъявителю данного буклета…» И вновь холодные пальцы неприятного предчувствия скользнули по ее телу, заставив сердце отчаянно сжаться в горячий твердый комок плоти. Из оцепенения ее вырвали голоса новеньких попутчиков, заходящих в зал после досмотра ручной клади и паспортного контроля.

– Витя, ты меня толкнул, ты что, не видишь, куда прешь? Теперь синяк будет на ягодице, а я взяла только открытые купальники. Ты неповоротливый боров…

Очень хорошо и стильно одетая женщина в годах, явно посвятившая большую часть своего времени и чужих ресурсов личной битве со старением организма, продолжала отчетливым полушепотом костерить своего попутчика. Видимо,

даже столь незначительный повод, как легкий толчок дорогим кожаным кейсом под зад, она ассоциировала с исключительной агрессией и всячески использовала этот повод для прилюдного унижения своего оппонента. Хмурый Витя, выслушивая весь набор оскорбительных эпитетов, продолжал смотреть сквозь источник данного монолога, явно погруженный в свои безрадостные мысли и совершенно игнорирующий отчаянное желание женщины поиздеваться над ним и очередной раз самоутвердиться за его счет. Его возраст, так же как и возраст его жены, можно было оценить только опытным и наметанным взглядом сенесцентного реабилитолога. Да и то он вряд ли дал бы им больше восьмидесяти или девяноста лет. Остальные бы не дали им и тридцати пяти. Дама была очень ухоженной, да и сам Витя, с аккуратно уложенной прической, блестящими белыми зубами, мускулистый, без каких бы то ни было признаков лишнего жирка, скорее напоминал популярную телезвезду, нежели отчаянного подкаблучника. Вид этой пары, с одной стороны, восхищал достижениями современной реабилитационной медицины, с другой же, вгонял в депрессию от мысли, что эти люди, похоже, прожили уже половину своей жизни в режиме перманентной склоки, и вот так же им жить еще и жить. Впрочем, уже через пару минут, удобно устроившись на той самой скамейке, с которой Наталья подняла забытый кем-то буклет, женщина ласково прижималась к своему «борову» и, быстро листая маркетинговые сайты на своем коммуникаторе, щебетала о том, что купленный ею три месяца тому назад шелковый халатик совсем не подчеркивает всех прелестей ее фигуры и его пора поменять на что-то более стильное и изящное. И это «что-то изящное» должно быть непременно дороже, чем у новой папиной пассии, которую он вот уже месяц заваливает подарками.

Пассажиров пригласили на посадку. Наталья, так и не дослушав речитатив об изяществе и стиле и не разобравшись, кто чей папа и кому он постоянно дарит подарки, послушно побрела в чрево корабля. Подходя к своему месту, она обнаружила там бледного соседа-«философа» мирно спящим на своем и ее креслах. Попытка аккуратно передвинуть его со второго раза окончилась успешным пробуждением оного. Сладко зевнув и извинившись за причиненные неудобства, «философ», наконец, вспомнил, что приличные люди, прежде чем задавать вопросы или завязывать диалог, как минимум представляются незнакомому собеседнику.

– Извините великодушно еще раз, я не представился, меня зовут Ариэль. Ариэль Куммер. Еврей. Сорока лет от роду. Профессиональный студент. В данный момент на каникулах. Следую на родину, это на Новой Хайфе. Рад быть вам хоть чем-нибудь полезен.

За долгую профессиональную деятельность Наталья пару-тройку раз сталкивалась с подобного рода субъектами, которые считали свою жизнь такой неоправданно продолжительной, что как минимум половину ее можно было посвятить себе любимому. Бесконечно перелетая с одной планеты на другую, поступая при этом в любое подвернувшееся под руку учебное заведение, не исключая даже начального образования, эти недоросли отчаянно раздражали окружающих своим инфантильным эго. Тридцатилетние увальни, восседая за партами рядом с десятилетними шустриками, отчаянно пытались понять, почему учитель не обращает на них внимания. А родное государство, в данном случае Большой Иерусалим, исходя из собственного законодательства, продолжало оплачивать этим увальням их бесконечно затянувшееся детство. Наталья сухо кивнула.

– Наталья Андреевна, вдова, пенсионерка, русская. Возраст не назову. Следую в Новую Оклахому. Ничем вам полезна быть не могу по определению. Хочу спать.

* * *

Паром был древним, очень древним, латаным-перелатаным, но и сделан он был на совесть, если верить многочисленным биркам с клеймом производителя на деталях, которые еще не подверглись замене, то собрали его на Новом Екатеринбурге. А его заводы издавна славились надежностью своей продукции. Да и содержался паром в полном порядке. Иначе кто бы его допустил до пассажирских перевозок по Империи… Боевых систем на нем предусмотрено не было, поскольку ни в военных, ни в исследовательских целях применять его никогда не собирались. Зато буфет на втором, пассажирским уровне мог удовлетворить любого страдающего бессонницей или гастрономической несдержанностью пассажира, напитками и закусками, которые, к тому же, были включены в стоимость перелета. Перегон между Калганом и Березовкой, по расписанию парома, составлял не менее шести стандартных системных часов, вследствие чего желающих посетить буфет набралось не менее десятка. Ариэль, немилосердно разбуженный своей престарелой попутчицей, которая, по его мнению, безусловно имела отношение к имперской образовательной системе, осторожно, стараясь не задеть ее бренного тела и воздавая при этом хвалы стандартам локального перевозчика, позволяющим выбраться из ложемента компенсатора и протиснуться между рядами, не отдавив никому из дремлющих пассажиров ноги, аккуратно перебрался на вторую палубу и сунул свой нос по направлению запахов, дразнящих его воображение и напрямую раздражающих

желудок. Кошерность выпечки и бутербродов, представленных в ассортименте, нисколько не беспокоила вечного студента. Избранная им «профессия» самым пагубным образом влияла на разборчивость в продуктах питания и давно уже заставила Ариэля преодолеть большинство как межконфессионных, так и межнациональных барьеров. Пассажиры в буфете, в основном занимавшие отдельные столики, выглядели, на его вкус, не особенно интересно. И только трое молодых людей в дальнем уголке, сгруппировавшись и потребляя легкое пиво из высоких прозрачных пластиковых бокалов, привлекли внимание Ариэля с точки зрения реализации возможности провести время в нескучной и не обременяющей никого беседе.

– Вы не позволите…

– Да ради бога. А что, другого свободного места нету?

Ариэль, так и не поняв, отказ это или приглашение присоединиться, радостно опустился на единственное свободное креслице, стоявшее возле занятого парнями столика.

– Место, конечно, есть, но поболтать-то там не с кем. Автораздача сильно зажата в плане посторонних разговоров. Чуть что, сразу предлагает бутерброд с ветчиной. А хотелось бы живой беседы. Ведь прием пищи – это не такая банальная процедура, как многим кажется на первый взгляд.

Три пары заинтересованных глаз оторвались от пустеющих бокалов, а у Петрухи даже вывалился изо рта маленький непроглоченный кусочек розового, истекающего удивительным ароматом, синтетического семужьего балыка. Такая наглость постороннего пришельца в столовке на Луковом Камне могла легко закончиться тяжелой оплеухой или еще чем покрепче. Но здесь они вроде как в гостях, да еще и ненадолго… Решив подытожить короткую паузу в позитивном ключе, Уголь повернул голову в сторону незваного гостя и дежурно-примирительно произнес:

– Пиво будешь?

Ариэль никогда не употреблял этот напиток, предпочитая что-нибудь без пены и пузырей, но в данной ситуации отрицательный ответ с его стороны однозначно разрушил бы только-только начинавшееся зарождаться чувство общности

коллектива. Без которого любое дальнейшее продолжение разговора обречено на полное недопонимание.

– Буду.

Вероятно, данный шаг был несколько опрометчивым. Возможно даже, он позднее пожалел бы об этом. Но в тот момент это был единственный логичный с точки зрения «вечного студента» вариант завязывания и последующего поддержания непринужденной беседы… Автораздача, безупречно быстро и почти без сопутствующего скрипа, выдала заказанный бокал, и Ариэль, макнув нос в пышную пенную фракцию напитка, тут же перешел к основной части диалога, то есть к монологу о высоких материях.

– Господа, вы верите в Бога? В смысле, я не спрашиваю вас о том, посещаете ли вы церковь, обращаетесь ли вы к своему божеству в молитве, соблюдаете ли установленные вашей религией ограничения. Меня скорее интересует ваше мнение о том, существует ли во вселенной сила, сущность которой стоит за границей нашего понимания и восприятия? Сила, которая стоит выше известных нам ныне физических и прочих законов природы. Сила, способная отслеживать каждый наш шаг и направлять нас, предоставляя ежесекундный выбор между общепринятым поведением и поведением, выходящим за рамки установленных в обществе морально-этических границ…

Демид, тяжело вздохнув, ткнул своим пальцем в клавиатуру буфетного пульта, заказав повторить как пенный напиток, так и закусь в виде меленькой тарелочки ароматных чесночных гренок. Потому что разговор о подобных материях на сухую… бред! Автораздача вежливо поинтересовалась у него, уверен ли он в том, что чесночные гренки будут уместны при дальнейшем его пребывании в местах всеобщего пользования, и настойчиво предложила добавить к заказу небольшой флакончик освежителя дыхания. Получив подтверждение, бокал, небольшая тарелочка и маленький флакончик дезодоранта, тут же выброшенный Демидом в утилизатор, материализовались на столе, что совершенно не помешало их новому собеседнику как ни в чем не бывало продолжать свою заумную речь.

– Вот конкретный вопрос к вам, – Ариэль развернул свой не закрывающийся рот в сторону Петрухи. – В каких случаях вы вообще вспоминаете о Боге? Ну, ведь бывают же у вас в голове подобные мысли?

Петруха, никогда еще в своей жизни не встречавший человека, способного непрерывно говорить дольше, чем он сам, вытаращил на Ариэля круглые глаза и ответил первое, что пришло ему в голову:

– Брат, а тебя как зовут-то?

Это был грамотный ход, ненадолго сбивший говорившего с мысли.

– Я премного извиняюсь за то, что пропустил фазу формального знакомства. Меня зовут Ариэль, я подданный Новой Земли обетованной.

– Аааааа, – протянули одновременно все трое и дружно прильнули к тут же опустевшим бокалам.

– Так бы сразу и сказал, – весело продолжил Петруха. – Бывали. Бывали у вас. Ничего так. Помидоры у вас офигенные и виноград тоже. Да и вообще весело… – он одобрительно похлопал хлюпика по шее.

– А мы с Лукового Камня. Уголь, Демид и Петруха, слыхал? Нет? Это тебе, парень, не курорт, это, парень, форменная задница…

Демид вновь неодобрительно покачал головой, но встревать не стал. Видно же было, что Петруха нашел себе достойного соболтуна, так и пусть с ними…

– Так я о Боге…

Ариэль попробовал слиться со столом, чтобы очередное похлопывание по спине не сломало ему шейные позвонки, но это ему не удалось. Впрочем, позвонки все же выдержали.

– Да, было у меня как-то раз такое. Загнал меня по молодости медведик на крышу летней беседки, даже не помню, как я туда сиганул. У беседки столбы были стальные, хромированные, аж блестели. Так что этот злобный толстый вонючий нытик по ним только скоблил своими когтями и бурчал что-то себе под нос. А потом уселся под беседкой и давай орать, да так тоскливо. Как будто хотел мне пожаловаться и рассказать, как ему сильно жрать охота. А я там сидел наверху, зубами стучал, и ноги стало от холода сводить. Так я и маму,

и папу, и Бога вспомнил.

Петруха доел семгу и сладостно вытянулся на креслице так, что что-то под ним захрустело и заскрипело. Уголь удивленно посмотрел на друга. Эту историю он от него не слышал. А такие истории чего-нибудь да стоили.

– И чем все кончилось?

– Спасатели явились через двадцать минут. Этого вечно голодного зверя усыпили, а меня с веранды сняли, ноги чем-то натерли, брусничного чая горячего в меня залили и в больничку отвезли. Папа потом приехал, забрал…

Петруха махнул у себя перед носом ковшеобразной ладонью, видимо, отгоняя неприятные воспоминания, и решил перейти к более насущным проблемам:

– Вот иногда, как увижу женские ноги длиннее, чем мой любимый походный ломик, так тоже в голову чего только не приходит… И про Творца нашего, и про Творения его…

Ариэль отчетливо икнул и оторвался от бокала.

– Господа! Анекдот по этому вопросу…

И, не дожидаясь, пока новые знакомые успеют отреагировать на это не то утверждение, не то предложение, тут же продолжил:

– Сара Абрамовна, вы таки владеете великим даром привлекать мужчин!

– Я? Даром? Да никогда!!!

Демид растянул губы в широкой улыбке, Уголь поперхнулся и чуть не грохнулся с пластикового креслица, а Петруха дико гикнул и решил, что количество выпитого вполне уже позволяет ему высказаться на предмет своего опыта общения со слабым полом. Высказывание это длилось без малого минут тридцать, изобиловало красочными описаниями различных анатомических деталей, а также множеством идиоматических выражений, не всегда понятных непосвященному слушателю. Впрочем, немногочисленные «благодарные»

слушатели не торопились прерывать рассказчика, потихоньку прихлебывая и похрустывая. Они прекрасно знали, чем закончится эта «поэтическая новелла». Странно было другое – представитель Новой Хайфы вел себя неприлично тихо и, так же как и остальные, не вклинивался в канву повествования…

– Вот как бывает, а вы говорите – любовь, любовь… Так что, Арик… – Петруха опять приподнял ладонь для дружеского похлопывания, но обнаружил отпрыска Земли обетованной лежащим на столешнице и мирно посапывающим на полупустой бокал с пивом. Демид удовлетворенно посмотрел на хронометр своего потертого коммуникатора.

– Ну, в общем, еще полчасика посидим, да по люлькам, и этого тоже запихнуть нужно на место, а то его без компенсатора на Березовке так утрамбует, что можно будет в рулончик сматывать…

* * *

– Полковник, вы вообще представляете себе, что такое отпуск?

Начальник отдела внешней разведки Императорской Службы Безопасности – ИСБ (в широком употреблении среди рядовых граждан Российской империи – «изба»), Аркадий Петрович Котов (между прочим, ученик самого Несгибаемого финна), спокойно относился к возможности своего подчиненного с легкостью промышленного пылесоса продувать мозги не только оппонентам, но и сослуживцам. А потому его (полковника) манера продолжать разговор сразу с того момента, до которого Аркадий Петрович собирался «добираться» еще минут пять, украшая собственную речь лирическими отступлениями и веселыми историями из собственной жизни, совершенно не смущала, как и вообще вся его своеобразная манера говорить.

– Генерал. Отчего же. Вот рыбу люблю ловить. Ее если грамотно к своему червяку подвести, у нее практически не остается шансов. Однако Амброзия, если мне память не изменяет, – это за пределами Российской империи, а с моим багажом знаний, а тем паче умений, подобного рода отдых может легко перерасти в детективный боевичок с непредсказуемыми последствиями. Причем все это может случиться совершенно не по моей инициативе.

Аркадий Петрович хитро прищурился и, выпростав свое тело из-под портрета Императора в золоченом окладе, занимающего в его кабинете центральное место, подошел к кулеру с кипятком. Насыпал в чашечку неизвестного происхождения черной травы и подставил ее под тоненькую парящую струю.

– Хоххи, да какой боевичок? Чего ты городишь? Слетаешь, отдохнешь немного. На солнышке поваляешься, попу свою колючую погреешь… Ну а пакет с заданием у тебя в башке распакуется автоматически, если к тому возникнет повод. Я, чесслово, не знаю о чем. Можешь сам посмотреть.

Аркадий Петрович поставил чай на столешницу и наклонил свою начинающую лысеть голову к самому носу полковника, давая понять, что тому официально предложено покопаться в генеральской черепной коробке. Полковник, подыгрывая своему шефу, продолжил разговор во фривольном для конторы стиле:

– Понятно. Если бы знал, значит – задание от наших. А так – не иначе от сочувствующих нашему неспокойному делу граждан. Ну-ка, ну-ка, дай угадаю – первое имя начинается на «С», потом предлог, второе имя на «Д» и третье на «М».

Аркадий Петрович вернулся в свое кресло и, распластавшись на мягкой коже, потянул губами горячую жидкость.

– Ну, прямо ясновидящий. Да. Это от герцога пришло. Наши одобрили твою кандидатуру…

Тут взгляд генерала внезапно блеснул холодной остротой, и финальная фраза прозвучала вполне уже в его фирменном, безукоризненно сосредоточенном стиле:

– Если у вас, полковник, больше нет вопросов, будьте любезны приступить к исполнению.

Хоаххин саа Реста, полковник службы внешней разведки Империи, не первый год уже работавший бок о бок с генералом, вытянулся, щелкнул каблуками и, взяв под воображаемый козырек фуражки, сухо отчеканил:

– Так точно! Разрешите идти?

Форму офицера шестого флота Его Императорского Величества Детей Гнева Хоаххин, по настоятельной просьбе своего Учителя, сменил на форму офицера ИСБ пять лет тому назад. По той же причине местом его постоянной дислокации стала столичная планета Гранд Петербург, на которой и располагался штабной комплекс этой конторы. Впрочем, сам черный с серебром парадный мундир разведчика пылился в шкафу его служебного кабинета и на плечах своего хозяина был замечен всего раза два, причем первым из этих случаев стал процесс голографирования для базы данных учреждения.

Собственно, собираться ему не было никакой необходимости. Надо заметить, что за весь прошедший период службы в конторе на оперативную работу его отправляли всего раза три. Да и неудивительно – нелегалу с такой неординарной внешностью передвигаться «в полях» можно было разве что в составе бродячего цирка. Но из списков оперативников он удален не был. А посему за ним постоянно числились четыре «роли» с детально разработанными и постоянно поддерживаемыми в актуальном состоянии легендами. «Прочитав» в голове генерала текст «ССС»-сообщения о собственном назначении, он уже знал все, что ему было положено знать. Роль «отпускник» предполагала забрать в хранилище рюкзачок со шмотками и зубной щеткой (произведенными в ВКНР, то есть совершенно обезличенными и слегка потрепанными для придания естественной амортизации). Там же перепрошить чип СИЛ в запястье и топать к станции челноков, периодически вылетающих на внешнюю орбиту Гранд Петербурга на «Россию-17». Все это занимало у любого оперативника, после получения задания, не более десяти минут стандартного системного времени.

Уже пристраиваясь в тесноватом для офицера компенсаторе челнока, Хоаххин подумал о том, что Петрович был совершенно прав, обозвав эту поездку термином «отдых». Задания от Смотрящего на Два мира приходили только по инициативе его Учителя. А просьбы Учителя полковник всегда воспринимал исключительно как нечто личное. Так что данную командировку без всякой натяжки можно было отнести к последней, десятой графе в анкете с перечнем причин убытия офицера из мест постоянной дислокации, то есть к «Обстоятельствам личного характера».

* * *

На станции орбитального лифта планеты Березовка на борт парома местных космолиний поднялись всего три человека. Петруха, приоткрыв один глаз, сразу попытался сфокусировать его на длинноногой блондинке с дешевой пластиковой сумочкой, на которой по какому-то недоразумению болтался блестящий шильдик с логотипом очень дорогой и уважаемой в человеческом космосе фирмы, каковая ни при каких обстоятельствах не стала бы производить изделий из этого стоящего копейки и потому широко распространенного материала. Но Петруху интересовали ноги, а не сумочка, плотно прижатая ее хозяйкой к худосочной груди. Впрочем, борьба естественного и искусственного, то есть базового императива любого молодого самца и буфетного пива закончилась победой последнего. Петрухин глаз после нескольких безуспешных попыток сфокусироваться моргнул и окончательно закрылся. Новые пассажиры расселись по указанным в билетах компенсаторам, и «электричка», постанывая конструктивными элементами, покинула орбиту очередной планеты.

Хозяйкой длинных ног была Оленька Безхознова. Ее путешествие на «Россию-17» и далее на Нью-Голливуд обещало стать началом ее новой, звездной жизни, в стремлении к которой она за последний свой, восемнадцатый год приложила массу как успешных, так и не слишком усилий. Вдохновил ее на столь нетрадиционный для выпускницы полной начальной ступени шаг тот факт, что она оказалась в списке самых красивых учениц планеты Березовка. После чего Оленька вступила в бескомпромиссную борьбу с конкурентками, не мытьем так катаньем выдавив из жюри конкурса корону королевы выпуска текущего года. Ослепленная первым успехом девушка, вооружившись «профессиональным» портфолио от друга детства Витьки, уже два года работающего в рекламном отделе медеплавильного комбината, заполнила своим телом сначала блогосферу родной планеты. А затем, вероятно, и всей Империи. Ну, ей так казалось… После чего, наконец, Оленьке поступило предложение выступить в качестве соискательницы на роль русскоязычной парикмахерши в патологически теряющем рейтинг сериале, родиной которого и являлась указанная в ее билете как конечный пункт перелета планета Нью-Голливуд. Пышные проводы Оленька устраивать не стала по причине отсутствия у нее, у ее родителей, а также остальных дальних и близких родственников и друзей серьезных финансовых ресурсов. Родители, впрочем, оставались в неведении относительно ее устремлений, хотя и оплатили ей билет до Гранд Петербурга, предполагая, что их красавица и умница дочь отправляется туда штурмовать основы технологии не то глубокого бурения, не то мануального доения. А вот с оплатой перелета до конгломерата САК все было не так просто и однозначно. Так что Оленьке еще предстояло изыскивать средства на дорогу где-нибудь на стороне.

Заранее исключив совершенно пошлые и аморальные варианты, Оленька не без оснований рассудила, что поиск материального в среде лайкающих ее изображения сверстников является совершенно бесперспективным занятием, а посему обратила свои взоры на более зрелую аудиторию. К таковой, после трехдневного кастинга, она отнесла трех претендентов. Все трое занимали видное место в иерархии Березовки. Статус прилежных семьянинов вышеупомянутых граждан ее совершенно не стеснял. Как говорится – искусство требует жертв. Вот она их и выбрала… После чего девушка стала «застенчиво», но настойчиво, хотя и часто в самый неподходящий момент, регулярно попадаться на жизненном пути мужчин, ни сном ни духом не готовых к подобному повороту в собственной размеренной и давно оформившейся личной жизни. Первый из кандидатов – председатель жюри конкурса красоты на ее родной планете, еще в процессе отбора позволявший себе недвусмысленные высказывания о достоинствах девушек, – выбыл из «борьбы» сразу, как только Оленька позволила себе отправить на его коммуникатор пару-тройку совершенно безобидных ночных сообщений. Кандидат просто заблокировал ее номер, сообразив, видимо, что у девушки далеко идущие планы. Второй – местный предприниматель, а также еще и уважаемый в определенных кругах рыбак и охотник сначала был несколько ошарашен познаниями красотки в таинствах ловли щуки на живца, которые, впрочем, она наскоро почерпнула из Сети. Но после того как в приватной беседе на берегу живописного озера она посетовала на нехватку денежных средств для покупки рыболовного снаряжения, он недвусмысленно заявил ей, что себя с рыбой не ассоциирует и спонсорством заниматься не намерен. В итоге свой билет до Новой Оклахомы Оленька получила почти без боя у третьего березовского претендента на вспомоществование. Здесь Оленька копнула глубже, еще при первой встрече высказавшись на предмет того, что только зрелый мужчина имеет право претендовать на ее неземную красоту, исключив, однако, на этом этапе упоминания о своих материальных нуждах. Слегка поколебавшись, претендент согласился на вторую встречу, где Оленьке удалось-таки добиться от него легкого поцелуя и робкого прощупывания некоторых элементов собственного тела. Впрочем, третья встреча чуть не завершилась полным фиаско. Законная супруга претендента почти застукала своего супруга в тот момент, когда «прекрасная незнакомка» уверенно грузилась на пассажирское сиденье его флаера. Поэтому, как только при очередной и последней встрече «атакованный» ею субъект узнал, что у него появился безболезненный способ избавиться, причем надолго, а возможно, навсегда от этой молодой, но хваткой особы, – он тут же, не вылезая из-за столика кафешки, в которой проходило его тягостно-липкое общение с прекрасным, то бишь переговоры о «блистательной карьере» будущей голозвезды (во всех имеющихся смыслах), зарезервировал ей билет

и оплатил перелет в САК…

– Извините, вы не позволите, я бы хотела пересесть из этого компенсатора вон в тот. Здесь мне дует из кондиционера прямо под подбородок.

Стюард, нежно улыбнувшись симпатичной пассажирке, качнул головой, давая понять, что ее просьба может быть немедленно удовлетворена.

– Вот только боюсь, что компенсатор, который вы считаете более удобным для вас, имеет совершенно идентичную систему локального кондиционирования. Может быть, я помогу вам настроить кондиционер вашего компенсатора?

Видавший виды стюард однозначно определил желание молодой пассажирки переместиться на место, расположенное рядом с занятыми ложементами, в которых восседал уже представленный читателям Витя и, конечно, его беспокойная молодящаяся супруга. Но реально оценивая возможности обеих представительниц прекрасного пола, стюард предпочел бы провести оставшийся отрезок перелета до орбитального терминала без эксцессов в пассажирском салоне. Тем более, он совершенно не сомневался в бесперспективности амбиций молодой конкурентки. Но прямо заявлять ей об этом было ниже его профессионального и интеллектуального уровня.

Оленька, не обращая внимания на предложенный ей альтернативный вариант «помощи», аккуратно выбралась из компенсатора и решительно направилась к, казалось бы, уже отвоеванному рубежу. И только заняв пустующий рядом с импозантным и, по всему видимо, обеспеченным мужчиной компенсатор, она неожиданно для себя обнаружила еще одного соседа с противоположной стороны от ее непосредственной цели. Арик, хаотично шевеля ногами, выпростал себя из укутывающего его тело пледа, о котором позаботился Петруха, сгружая нового знакомого в пассажирском салоне парома со своих широких плеч. И обнаружив рядом живое существо, тут же потянулся к нему всеми фибрами своей души.

– Девушка, милая… У вас не найдется водички попить, хотя бы пару-тройку глоточков… Вы, кстати, как относитесь к некоторым теологическим аспектам катастрофы древнего еврейского национального движения…

* * *

«Жемчужина Короны» была построена на орбитальных верфях Нового Екатеринбурга не более пяти лет тому назад и тогда же сменила на фешенебельном маршруте Гранд Петербург – Нью-Вашингтон уже порядком износившуюся «Русь Великую». Дальнемагистральный пассажирский лайнер, пришвартованный возле шлюза международного хаба «России-17», на фоне разношерстных кораблей, работающих на местных маршрутах, топливных танкеров и других космических судов, входящих в группировку обслуживания хаба, выглядел просто потрясающе. Огромный, шарообразный, переливающийся всеми цветами радуги корпус, словно откуда ни возьмись возникшая колоссальных размеров капля ртути, присосавшаяся к выносным конструкциям хаба, заполнял собой половину обзорных экранов в многочисленных помещениях орбитальной станции. Хоаххин, еще час назад преодолевший зону досмотра и не торопясь допивавший кофе в баре, расположенном непосредственно перед воротами посадочного рукава, невольно сравнивал эту громадину с родным ему когда-то «Длинным Копьем» – рейдером флота Детей Гнева, отмечая у себя в голове те или иные детали конструкции лайнера. На таком, конечно, много не навоюешь, но и отогнать случайного непрошеного гостя для этого гражданского корабля проблемой не станет. Скрытые в нишах внешнего корпуса спарки батарей непосредственной обороны лайнера располагались таким образом, чтобы как минимум прикрыть его со всех сторон от противника, вооруженного на уровне современного корвета. Видимо, нападение кораблей большего тоннажа и энерговооруженности в мирное время считалось маловероятным.

Напротив Хоаххина, на высоком стуле за стойкой фитобара, примостилась совсем еще молоденькая девчушка лет восьми-девяти, ожидающая, видимо, своих разбежавшихся по делам родителей. Обычный с виду ребенок, уткнувшийся носом в голоэкран своего коммуникатора, подключенного к Сети космопорта. Играет, наверное, в какую-нибудь стратегию или общается со сверстниками. Взгляд «отпускника», брошенный через нейроактивные очки, так бы и скользнул по этой девчушке, не задержавшись на деталях, если бы не то, что она с таким усердием рассматривала на экране своего устройства. Детальная схема систем энергоснабжения БДСК «Длинное Копье». Хоаххин чуть не щелкнул зубами приоткрывшегося от изумления рта. Мало того, что в открытой Сети не так просто получить доступ к информации о технических и конструктивных характеристиках действующего боевого корабля, так еще и неожиданный интерес столь юной гражданки к этим самым характеристикам! И это смутило полковника куда сильнее. Он даже попытался приподняться со своего кресла в зале ожидания, но в этот самый момент девчушка отключила

коммуникатор и, повернув лицо в его сторону, одарила его открытой и совершенно обезоруживающей улыбкой больших, широко открытых зеленоватых глаз. Именно глаз. Остальные элементы мимики ее лица никак не отображали того потока теплой струящейся энергии, который буквально отбросил полковника обратно на спинку его кресла. Она соскочила со стула и легко направилась в его сторону. Хоаххин смотрел на нее, на то, как она двигается, как автоматически поправляет вьющиеся огненно-рыжие волосы, упрямо падающие ей на нос, как подтягивает левой рукой на плечо небольшой школьный ранец… Полковник замер перед этой девочкой, словно кролик, готовый в любой момент с радостью прыгнуть в пасть симпатичного, веселого удава. Она уже почти поравнялась с его креслом, когда брошенная как бы невзначай в окружающее пространство фраза на древнем, но хорошо известном Хоаххину языке вновь вернула его к реальности.

– Не спи, боец, – замерзнешь!

Звенящий, словно маленький серебряный колокольчик, смешок в довершение к услышанному заставил полковника повернуть голову в сторону быстро удаляющейся от него щуплой и пока еще нескладной фигурки. Однако толпа хлынувших на посадку пассажиров уже успела скрыть странную девчушку, и Хоаххин, придя в себя, решил, что не имеет права отвлекаться от поставленной ему задачи и гоняться за малолетками, как бы их поведение его ни шокировало… Когда поток поднимающихся на борт лайнера граждан, которых можно было смело разделить на отдыхающих транзитников и командированных сотрудников многочисленных компаний и ведомств, изрядно иссяк, полковник, накинув на плечо свой рюкзачок, двинулся в сторону трапа, подойдя к которому привычным жестом приложил запястье к сканеру контроля, установленному на входе в шлюз. Вспыхнувшая зеленым арка входа просигнализировала о допуске гражданина на рейс и вновь перешла в режим ожидания.

Размещение гостей на «Жемчужине» не предусматривало общих помещений, как это практиковалось на кораблях, обслуживающих короткие дистанции. Каюты представляли собой отдельные комнатки, рассчитанные на одного, двух или четырех пассажиров для следующих в третьем классе и гораздо более обширные площади для обладателей билетов второго и первого классов. Хоаххин, послушно исполняя роль прижимистого отпускника, для которого полет – это всего лишь способ попасть на то место, где он и собирается наслаждаться жизнью, проследовал на нижние палубы жилой зоны лайнера.

Легко отыскав свою каюту, вошел внутрь, аккуратно прикрыв входную дверь. После чего придирчиво осмотрелся, поправив на носу свои нейроактивные очки. Утопленная в переборке кровать, небольшой откидной столик, скрытые за полупрозрачными дверками шкафчики, туалет, душевая кабина и компенсатор. Каюта напоминала купе старинного железнодорожного вагона, в котором люди коротали подчас дни во время довольно длительных переездов по планете. Подумать только – передвигаясь по одной планете и преодолевая всего несколько сотен километров в день, пассажиры таких поездов неделями просиживали на территории в четыре – шесть квадратных метров. Хоаххин скинул с плеча рюкзачок, ухватил со столика пульт и перевел управление системами каюты в голосовой режим.

– Визор, общий обзор по кораблю.

Противоположная от входа стенка ожила и наполнилась объемными изображениями интерактивного ролика, позволяющего гостю быстрее разобраться в доступной его персоне информации об устройстве жилых палуб лайнера. Впрочем, начался обзор, как обычно, с требований безопасности и порядка действий в случае чрезвычайной ситуации. Хоаххин все внимательно прослушал, прикинул, что может спокойно обойтись без компенсатора как при старте, так и при торможении. Но система контроля, скорее всего, подобной вольности пассажиру не простит и так или иначе в компенсатор его все-таки загонит. Он переключился на другой канал:

– Визор, новостной канал.

Изображение моргнуло, и хорошенькая ведущая сообщила, что на орбиту гранд-петербургского хаба из системы Трон с неофициальным визитом в Российскую империю в сопровождении трех эсминцев эскорта прибыл личный круизный лайнер королевы Терры. На экране мелькнуло изображение дальнего крыла орбитальной станции и красивый лайнер, швартующийся к силовым шлюзам. Дальше девушка сообщила, что конвою было предписано оставаться на внешней орбите, а королева с немногочисленной свитой уже опустилась на поверхность планеты. Этот текст сопровождался картинкой, на которой тяжелый имперский дисколет в сопровождении еще двух правительственных атмосферных машин с золотыми двуглавыми орлами на обшивке ныряет в низкую облачность над южным материком планеты. Потом появилась посадочная площадка перед Гренадерским дворцом, как и очертания самого дворца, вполне узнаваемые даже в пелене мелкого моросящего дождя. Потом картинка сменилась, и на

экране появилась молодая женщина, решительно вышедшая на трап, на ходу придерживая рукой сдуваемый нескромными порывами прохладного ветра с ее плеча белый шарф. Впрочем, трап тут же был прикрыт непроницаемым силовым полем, но оператор, явно ожидающий этого единственного момента, который позволит рассмотреть королеву, успел надвинуть фокус камеры прямо на ее лицо. Королева была красива. Очень красива. При этом ее черты лица очень сильно напоминили Хоаххину ту самую незнакомую шуструю девчонку, которая совсем недавно так ловко упорхнула от полковника в зале ожидания космопорта. И еще. Лицо королевы было явно чем-то озабочено.

Хоаххин аккуратно снял с себя верхнюю одежду и прикрыл створки шкафчика.

– Шкаф, чистка, глажка. Визор, хватит с меня на сегодня красивых женщин и шустрых девочек, внешние камеры. Кровать, трансформация.

Он присел на краешек застеленной свежим бельем кровати и посмотрел на звездное небо, в которое преобразовалась стенка каюты перед его лицом. Так что там про файл, который сам себе не указ? И каких, интересно, обстоятельств этот файл будет дожидаться? Значит, у Учителя есть основания полагать, что такие обстоятельства на корабле возникнут? Или не на корабле, а позже? А может, самому покопаться?

Звездное небо на голоэкране затуманилось, и перед всеми без исключения пассажирами лайнера предстало лицо помощника капитана. Представившись по-старинному велеречиво и поблагодарив пассажиров за оказанное его экипажу доверие, он попросил всех занять места в компенсаторах, поскольку корабль уже отшвартован от хаба и выведен буксирами на траекторию старта. Хоаххин послушно нырнул в мягкий кокон, который тут же принял его тело в свои объятия и приятным баритоном предложил пассажиру перечень элементов сервиса, доступного ему на то время, пока «Жемчужина Короны» будет совершать маневр разгона своей безразмерной туши.

* * *

До сегодняшнего утра полет проходил скучно. А вот утром начались непонятки… Например, сейчас Хоаххина несколько беспокоил тот факт, что вот уже час он никак не мог «нащупать» капитана «Жемчужины». Вахтенный офицер вместе с новой подвахтенной командой заступил на дежурство в рубке ровно в восемь

утра по внутрикорабельному времени и все еще продолжал проводить процедуру голосового опроса постов. Притом что любой современный корабль – от челнока до крейсера – управлялся бортовыми (или боевыми) информационно-управляющими системами искусственного интеллекта, голосовой опрос не спешили списывать как анахронизм. И в первую очередь это было связано с психологическими аспектами человеческого фактора.

– Система раннего оповещения – норма.

– Система стабилизации силовых полей – норма.

– Система энергопитания силовых полей…

То есть, по идее, все было нормально. Но капитана отчего-то нащупать не получалось. А чуть погодя появились и новые поводы для беспокойства…

Молодой парень, склонившийся над интегральным пультом внутренней связи, вполоборота повернул голову к старшему вахтенному офицеру, привлекая его внимание, и вывел на обзорный экран сообщение системы идентификации внешних сигналов. Бегущая строка указывала на слабый сигнал, по пеленгу на десять часов в нижней полусфере.

– Грузовой корабль конгломерата Регул на аварийной частоте запрашивает экстренную помощь! Сигнал передается автоматически БУИС танкера. Мы, похоже, единственные пока, кто принимает его запрос. Уточняю расстояние до объекта. Господин офицер?

Старший офицер недовольно оторвался от своего монитора и сквозь зубы процедил:

– Пункт межнациональной конвенции номер три точка один. БУИС принять к исполнению, провести расчет корректировки курса и начать процедуру оповещения об экстренном торможении. Всему персоналу стоять по расписанию «экстренное торможение», включить обратный отсчет времени.

Корабль ожил и зашевелился, как будто муравейник, в который нехороший мальчишка воткнул сучковатую палку. Полковник, глазами офицеров,

находящихся в рубке, отслеживал приготовления экипажа к совершению экстренного маневрирования. На голоэкране в каюте вновь появилось приятное мужское лицо в форменной фуражке и попросило пассажиров лайнера не проявлять беспокойства и, во избежание травм, занять места в компенсаторах. В этот момент в поле зрения Хоаххина возник, наконец, капитан корабля, он был аккуратно одет и безупречно выбрит, сам этот факт внушал определенное уважение и уверенность в том, что нештатная ситуация будет разрешена достойно и без лишних эксцессов. И именно в это мгновение в затылке полковника что-то щелкнуло, и Хоаххин услышал голос Учителя:

– Привет, диверсант! Давно не виделись. Раз уж ты сейчас меня слышишь, это означает, что началась распаковка файла с постановкой задачи. А раз началась распаковка, это в свою очередь значит, что я не ошибся, отправив тебя на «отдых» именно этим маршрутом и именно в это время. И в продолжение всех этих совпадений я даже готов побиться об заклад, что к «Жемчужине» приближается некое судно или другой недружественный объект. Цель этой атаки мне неизвестна, но большого урона самому лайнеру эта акция не нанесет. С высокой долей вероятности могу утверждать, что в результате действий противника с корабля будут похищены люди. Твоя задача – не препятствуя действию агрессора, скрытно проникнуть на его судно. Наиболее приемлемый вариант проникновения – в качестве одного из захваченных. Большая просьба лично от меня, зная твое отношение к пиратам, – постарайся никого не убивать, ну или сведи количество уничтоженных врагов к минимуму. Крайне не рекомендую использовать свои специфические возможности, по крайней мере, за пределами «Жемчужины», потому что очень велик риск того, что именно через их использование тебя сможет вычислить наш противник. Я думаю, ты понимаешь, кого я имею в виду. Остальную информацию по этому заданию посмотришь сам, когда у тебя появится такая возможность. На ознакомление с информацией тебе отводится двое суток. После этого срока файл самоликвидируется. Работать придется вслепую, без связи. Надеюсь увидеть тебя вновь живым и здоровым. Удачи.

Значит, опять «наш противник». Судя не столько по жестким ограничениям, с которыми было связано выполнение данной миссии, сколько по неформальной лексике Черного Ярла, которой было изложено это предпоследнее пожелание Учителя, вероятность его исполнения приближалась к нулю. А если судить по уровню секретности операции, который не предполагал ознакомление с деталями ее проведения даже текущее руководство полковника, все обстояло еще хуже, чем можно было себе представить.

Корабль тряхнуло, а это было верным признаком выхода из подпространства и изменения его курса. Хоаххин слегка скривился и вновь погрузился в отслеживание происходящего на мостике.

Танкер, похожий на связку сарделек, растянувшихся километров на двадцать, шел по инерции, двигатели его были заглушены, а курс движения направлен в сторону от магистрального коридора, выделенного султанатом для транзитных кораблей. На запросы с лайнера никто не отвечал, только БИУС продолжал непрерывно талдычить в эфир сигнал бедствия. Капитан принял решение поравняться с буксиром танкера и провести визуальный осмотр. Дроны с камерами высокого разрешения вынырнули из-под обшивки «Жемчужины» и ринулись к корпусу продолжавшего приближаться к лайнеру танкера. Расстояние до точки рандеву составляло, по сообщениям компьютера, не более двухсот километров.

– Ну и что же здесь агрессивно-враждебного? – прошептал сам себе Хоаххин. Люки задраены, свищей не видно, мелких повреждений внешней обшивки можно даже с такими камерами, какие вели трансляцию с дронов, сразу не заметить. Каких-то нештатных конструкций, оружия также не видно. Если, конечно, это нештатное не замаскировано под грузовые танки. Силовое поле отключено… А вот это уже интересно! Если в энергосистеме остается хоть пара «ведер» мощности, силовое поле корпуса будет действовать, если только его не отключат принудительно. Возможные варианты проведения атаки с этого полумертвого корыта: танки окажутся вдруг вооруженными до зубов корветами или атакующие захватят спасательный челнок и под прикрытием команды этого челнока высадятся на лайнере. В том, что капитан лайнера после проведения визуального осмотра отправит на танкер спасателей, сомнений у полковника не было. И вот тут-то их можно было подловить. Но зачем? Ну, сколько бойцов смогут втиснуться в челнок? Десять, пятнадцать – в зависимости от их комплекции и вооружения. Далеко такому количеству нападающих не пройти… если только не по пассажирским палубам. Там охрана лайнера будет сильно скована присутствием пассажиров, и наоборот, нападающие смогут использовать захваченных пассажиров в качестве живого щита. Организация отхода? Непременное прикрытие все теми же заложниками… Черный Ярл знал, что наговаривать в сообщении. Ошибся он в одном – это не агрессор приблизился к «Жемчужине», это сам лайнер подошел к ловушке. Причем ловушке отчаянно тупой и опасной больше для самих охотников, чем для корабля. Малейшая нестыковка – и капитан просто не пропустит борт со спасателями обратно к своему лайнеру. Или все-таки пропустит? Хм… и как же ему, «несчастному слепому калеке», затесаться в компанию заложников? О чем

бы ни просил его Учитель – чем сильнее проредить «гостей» еще на лайнере, тем больше места останется в нем для отступающих и захваченных ими пассажиров. Кого бы я наловил себе для устрашения капитана? Детей? С ними возни много. Женщин – и ловить приятно, и если что, потом жениться можно. Калека тоже подойдет, но до первого сброса мусора в пространство… Хех! А нам дольше и не понадобится… Осталось только отследить, куда конкретно к обшивке пассажирских палуб причалит возвращающийся челнок.

* * *

Наталья Андреевна проснулась ровно в шесть утра. Будильником она давно уже не пользовалась, временны?е пояса практически никогда не меняла и, притом что скорость вращения ее планеты вокруг собственной оси совпадала со скоростью вращения Гранд Петербурга, жила строго по внутрисистемному времени, которое сейчас очень кстати совпадало с внутренним расписанием лайнера. Приняв душ и проделав пару-тройку легких наклонов и приседаний, она облачилась в скромного серого цвета кофту и черные, идеально отглаженные в автоматической прачечной корабля брюки. Голоэкран на стенке каюты был еще с вечера настроен на новостной канал РИ, и из него прямо на пенсионерку выплескивалось золотое море дозревающей пшеницы, над которым на бреющем полете туда-сюда шныряли авторегистраторы, измеряющие температуру и влажность почвы. Завтрак в ресторане третьей пассажирской палубы должен был начаться в девять часов, и именно туда Наталья собиралась отправиться в первых рядах. Но пшеницу на экране неожиданно сменил симпатичный молодой человек, предложивший всем ненадолго погрузить свои тела в компенсатор и оставаться там до дальнейших распоряжений капитана корабля.

– «Ненадолго и до дальнейших распоряжений…» – это что-то из серии «от забора до обеда»…

Наталья Андреевна улеглась в компенсатор и злорадно улыбнулась, представив себе длинноногую соседку, каюта которой располагалась напротив через коридор. Ту самую, которая подсела на «электричку» еще на Березовке и шлялась вчера по лайнеру расфуфыренная и в коротенькой юбочке по самое «не балуйся». Острый слух пенсионерки накануне зафиксировал топот ее каблуков в коридоре в полпервого ночи. Так что она сейчас непременно либо еще дрыхнет и потому шмякнется в компенсатор, даже не успев посетить

туалет, либо выскочит из душа в чем мать родила и уляжется туда же мокрая и с намыленными волосами…

Однако с намыленными волосами из душа вывалился Уголь. Чертыхаясь по этому поводу и поминая всю космофлотскую рать, он в одном носке, натянутом на левую ногу, приплясывая, засунул ноги в не первой свежести джинсы, после чего упал в компенсатор, прихватив второй носок с собой. Демиду, Петрухе и Арику повезло несколько больше. Оповещение о форс-мажоре застало их за игрой в старый добрый преферанс. Пулю они начали расписывать еще с вечера и сначала долго обучали основам этой игры Петруху, а потом Демид с Ариэлем не менее долго, всю ночь, поднимали новичка в гору, время от времени «сталкиваясь лбами» друг с другом в личных локальных схватках.

По интересной закономерности, возможно, той же самой, по которой люди, стоящие в очереди на регистрацию в аэропорту, обнаруживают затем друг друга на соседних креслах в салоне самолета, часть сошедших с парома граждан заселилась на лайнере в непосредственной близости друг от друга. Что было, с одной стороны, удобно (для одной из вновь сформировавшихся групп), с другой стороны – неприятно (для других, антагонистически относящихся друг к другу соплеменников). Элеонора Поликарповна, законная Витина супруга, с плохо скрываемой неприязнью относилась к большей части, если не сказать ко всей человеческой популяции не только родной планеты, но и обитаемой вселенной вообще. Редкое исключение из этого глобального списка составляли пара-тройка ее подруг, связанных с ней общими интересами по поддержанию внешнего вида в достойном состоянии. Билет третьего класса сам по себе раздражал женщину не столько достаточно тесной, на ее взгляд, каютой, сколько присутствием на палубе разного рода соседей, не имеющих к тому, что она именовала «своим кругом», никакого отношения. Причем виновата в этом, как это обычно случалось, была она сама. Потому что Витя изначально планировал приобрести каюту двумя палубами выше. Но едва озвучив это решение, он тут же столкнулся с проблемой в лице своей законной супруги, каковая целую неделю выносила ему мозг за расточительство, которое Витя, видите ли, позволяет себе в вопросах личного комфорта. И которым, в итоге, обусловлено его же скупердяйство, но уже по отношению к ней… такой несчастной, вынужденной отказывать себе в немногочисленных обновках своего ужасно скромного гардероба.

Таким образом, практически все пассажиры планетарного парома, продолжавшие свое путешествие на борту межсистемного лайнера, на момент

непланового выхода последнего из подпространства оказались сконцентрированы практически в одной и той же точке пространства, то есть в соседних каютах третьей пассажирской палубы «Жемчужины Короны», начавшей маневр экстренного торможения.

* * *

Началось все именно так, как и предполагал полковник, за исключением скорости происходящего. Как только четверо спасателей разблокировали затвор основного шлюза буксира и двое из них протиснулись в приоткрытую створку, из-за которой не вырвалось почему-то ни облачка кислорода, произошел мощный взрыв, отбросивший еще остававшихся на внешней обшивке терпящего бедствие корабля двоих спасателей вместе с дронами наблюдения далеко в пространство. Из-за черно-бурого облака гари, окутавшего головную часть танкера, что-либо разобрать в первые секунды после взрыва было практически невозможно. Но буквально через полминуты, пока мостик безуспешно пытался установить связь со спасателями, из этого облака вывалился спасательный челнок и на аварийной волне запросил срочной стыковки с лайнером. По короткому и неразборчивому сообщению с челнока можно было понять только то, что на его борту находится раненый ремонтник. Траектория движения челнока больше напоминала глиссаду вошедшего в штопор атмосферного глайдера и была направлена явно не в сторону открытого грузового шлюза технической палубы. Челнок, продолжая кувыркаться, приближался к внешней обшивке лайнера и через пять с небольшим минут должен был удариться о его борт в районе между второй и третьей пассажирскими палубами корабля.

Хоаххин вылез из компенсатора и приоткрыл дверь в коридор. Матовые белые стены отбрасывали оранжевые отблески аварийного освещения. Куда-то бежать было пока рано, и полковник постарался максимально широко охватить своим «взглядом» обитателей кают. С большей частью из них он уже успел «познакомиться», когда вечером отслеживал их перемещения по жилым зонам корабля. Все они были открыты, и полковник свободно пользовался их зрением, стараясь при этом не сильно обременять их более глубоким проникновением в подсознание. Некоторую настороженность у него вызвал только сосед из двуспального номера в секторе «К», занятого супружеской парой. Мысли мужчины постоянно вертелись вокруг некоего кейса, который он старался не выпускать из собственного поля зрения. Остальные гости вели себя совершенно естественно и ни на чем особенном свое внимание не концентрировали.

Первый толчок челнока о компенсационное поле обшивки корабля был почти незаметен и отозвался лишь легкой вибрацией, вызванной скорее перераспределением поля, нежели непосредственным контактом между челноком и лайнером. Зато второй удар вызвал настоящий шквал в коридоре. Масса воздуха устремилась в ту сторону коридора, где, по мнению полковника, сработал стандартный штурмовой вышибной заряд. В коридоре взревела сирена и тут же сработала блокировка, отсекающая коридор от остальных секторов третьей палубы, а сами каюты от быстро теряющего атмосферу коридора. Дверь каюты Хоаххина захлопнулась за его спиной.

Утечка воздуха из коридора прекратилась так же быстро, как и началась. Давление упало чуть больше чем наполовину от нормального, что, впрочем, соответствовало четырехкилометровой высоте над уровнем моря того же Гранд Петербурга. Но этот факт нисколько не смущал бывшего десантника Детей Гнева. В коридоре послышался топот тяжелых армейских ботинок и, что удивило полковника, русская речь. Атакующая группа, с явно открытыми забралами шлемов, не дошла до поворота коридора, за которым он скрывался, метров пять и притормозила аккурат возле дверей двухместного номера, занимаемого супружеской парой с бесценным для мужчины кейсом. Это были четверо мужиков в потертых, видавших виды легких бронекостюмах. Трое, лихо орудуя плазменным резаком, сноровисто срезали ударопрочный пластик входной двери, попутно обмениваясь при этом короткими репликами, а четвертый, судя по всему, вожак, стоял чуть в стороне, наблюдая за работой взломщиков.

– Тригуб, рожу убери в сторонку, сейчас оттуда воздух попрет.

– Убрал.

Послышался резкий хлопок, после чего коридор огласился пронзительным женским визгом. Команду пиратов этот факт не удивил, но, как и самого Хоаххина, совершенно не обрадовал.

– Весло, по шее дай ей легонько. Только не сломай. Командир, сколько времени еще есть?

Наблюдатель, стоящий в коридоре, коротко обозначил:

– Семь минут сорок секунд. Пока по графику.

Из каюты раздался шум падающего на мягкий синтетический ковер тела. После чего непрекращающийся визг, доносившийся оттуда, мгновенно утих. Человек, стоявший в коридоре, совсем не выглядел амбалом, но возможности его штурмового скафандра с лихвой компенсировали этот недостаток. Ненадолго шагнув в пролом двери, он выволок из каюты два тела, которые и поволок за собой в ту сторону коридора, откуда появились нападающие, бросив на ходу:

– Нужно еще пару баб на отход. Этих я сам дотащу. Пять минут у вас, опоздаете – догонять будете вплавь…

Коридор вновь наполнился сквозняком, источником которого оказалась разблокированная, наконец, охраной аварийная штора в соседний жилой сектор «Л». Одновременно с разблокированным сектором коридора распахнулись двери пассажирских кают. Четверо налетчиков, видимо, поняли, что времени совсем в обрез, и начали совать головы во все двери подряд. Когда из очередной каюты выволокли Оленьку, а из каюты напротив престарелую пенсионерку, к процессу подключился Хоаххин. В ускоренном боевом режиме на все про все у него ушло чуть более пяти секунд. Стараясь не испортить скафандры нападающих, он не стал мелочиться с их содержимым. Двое вояк, лежа на полу, почти сразу захлебнулись в собственной крови, еще двое, скорее всего, должны были выжить, но наверняка остаться инвалидами. Их полковник решил оставить в подарок капитану лайнера. Хоаххин быстро раздевал уже второго захлебнувшегося и одновременно присматривал возможную поддержку из попутчиков, поскольку подойти к пробою в обшивке желательно было не одному, а в сопровождении еще троих одетых в трофейные комбинезоны парней, сопровождающих обозначенную командиром пиратов добычу. Спешащих к месту событий охранников в качестве поддержки рассматривать возможности не было, они категорически опаздывали к финалу. А вот трое здоровенных парней, которые бросились на него почти одновременно, – другое дело. Насколько помнил Хоаххин, это были шахтеры с Лукового Камня. То есть парни стойкие и к трудностям привычные. Так что вот они-то очень даже могли полковнику пригодиться. Их искренние намерения «запинать вражину ногами» изменились, как только они узнали в сидящем на корточках странном серо-зеленом мутанте своего спутника, не раз уже виденного ими в секторе «К». Хоаххин не без использования скрытого в нем умения убеждать ткнул пальцем в комбинезоны:

– Пользоваться умеете?

И получив мгновенный утвердительный ответ, добавил только одно:

– Быстро. Надевайте. Лица себе кровью измажьте!

Схватив за загривок потерявшую сознание Оленьку и подхватив под руки шатающуюся пенсионерку, компания «оборотней» кинулась к пробою… До него оказалось недалеко. Выбитая дверь в одну из кают и зияющее отверстие в корпусе, возле которого их поджидал «коллега» по нападению (именно то, что и предполагал увидеть Хоаххин), оказались перед ними через полминуты быстрого бега по коридору.

– Живо, живо!!! – и «коллега», не дожидаясь, пока четверо вновь прибывших втиснутся в маленькую каюту, уже нырнул в аварийный спасательный рукав, растянутый между челноком и корпусом «Жемчужины». Полковник рванул за ним, бросив на ходу:

– Как только я окажусь в челноке, быстро отходите назад в коридор. Женщин не забудьте в каюте…

Хоаххин скользнул в трубу сразу же следом за уже успевшим проскочить до борта челнока пиратом.

Любой план строится на массе допущений. Осознанных, то есть просчитываемых, и неосознанных, о которых сам создатель этого плана может даже не догадываться. Все зависит от его опыта в подобного рода операциях. Есть вещи, к которым мы так привыкли, что даже не задумываемся об их влиянии на тот или иной процесс, чем лишь уменьшаем вероятность того, что все рассчитанное непременно сбудется. Нажимая кнопку лифта в подъезде своего дома, мы, например, почему-то совершенно не берем в расчет, что лифт может застрять. Да, мы знаем об этом, но считаем эту вероятность достаточно низкой. Но низкая вероятность, за которой следует получасовое ожидание техника-лифтера, это одно. А если за этим событием следует не непредвиденное ожидание, а смерть – это уже совсем другое.

Успевший оказаться в челноке самым первым пират не стал дожидаться, пока его «подельники» по очереди залезут в рукав, и включил «пылесос» – систему экстренного захвата и втягивания в корпус челнока всего, что окажется в трех-четырех метрах от окончания рукава…

* * *

Челнок не был рассчитан на дальние броски через подпространство, зато в обычном пространстве способен был развивать неплохие досветовые скорости и по динамике разгона не уступал имперскому курьеру. Командир налетчиков по кличке Боцман, до того как пуститься во все тяжкие известный как Павел Владимирович Боцев, старший лейтенант планетарного конвоя на Новом Екатеринбурге, выдавил из силовой установки челнока все, на что она была способна. Вследствие чего кораблик, не пытаясь маневрировать или вообще хоть как-то заметать за собой следы, достаточно быстро приближался к точке рандеву, обозначенной нанимателем… Так получилось в нескладной и бесцельной жизни когда-то отчаянно смелого лейтенанта, успевшего и покуражиться, и срок отмотать, что задолжал он этому нанимателю крупную сумму денег. А взять их где-то законным путем возможности у него было. По этой причине терять Боцману было совершенно нечего, а вот шанс провернуть очередную сомнительную авантюру и решить все свои проблемы одним махом был, по его мнению, совершенно реальный. Этого самого нанимателя подогнал ему мастер с верфи, с которым Боцман сошелся еще тогда, когда их, заключенных безымянной колонии номер тридцать два, привозили на верфи для помощи бригадам корабелов в качестве чернорабочих на демонтаж отживших свой век кораблей и передавали в подчинение этому самому мастеру. Правда, тогда, год назад, вопрос о беспределе не стоял. А вот вопрос денег, наоборот, решился очень быстро. Так что освобожденный по амнистии Боцман «отдохнул» и погулял полгодика на славу. Но деньги кончились, на работу «по специальности» его с довеском в виде отсидки никто не брал, а жить широко и привольно хотелось. Так что пришлось снова идти на поклон к новому знакомому, у которого, как Боцман уже убедился, денежки вполне водились. Тот вошел в положение. А затем и еще раз… Но однажды перед беспечным гулякой был поставлен вопрос ребром. Отработай и свободен. Работа не свинячья, как на верфи. Навек себя обеспечишь, и задницу твою, если все сделаешь путем, прикроем. Поскольку люди за этим стоят серьезные и деловые, которые слов на ветер не бросают. Отказываться было поздно, да и незачем. Восемь человек, таких же опущенных по жизни бывших спецов, месяц гоняли на симуляторе и тренажерах на частном полигоне в давно закрытой шахте в скоплении блуждающих астероидов, которые успели к тому времени покинуть освоенную территорию человеческого космоса. Гоняли до тех пор, пока значение прогнозируемой успешности выполнения миссии, по мнению компьютера, не превысило восемьдесят процентов вероятности. А руководить группой доверили бывшему лейтенанту.

Комфорт его подельников, вляпавшихся в приемную амортизационную сеть «пылесоса» вместе с заложниками, Боцмана совершенно не волновал. Тем более что ускорение разгоняющегося челнока так спрессовало его пассажиров, что вытаскивать их из сети совершенно не имело смысла. Инструкция предписывала командиру как можно сильнее разогнать корабль в направлении указанной точки, а уж каким образом его «встретят», до исполнителя доводить не сочли необходимым. Лайнер остался далеко за кормой и прямой угрозы налетчикам уже не представлял. Вокруг, в радиусе четверти парсека, не было ни одного ориентира – только чистое, черное поле пространства, и больше ничего.

– Ну вот, вроде и все.

Мысль о том, что все удалось, начала постепенно вытеснять из его крови адреналин. И в этот момент Боцман, уже расслабившийся, но продолжавший отслеживать основные параметры полета, вдруг всем телом почувствовал нарастающую вибрацию корпуса, поэтому торопливо скосил глаза на боковую панель, за которой, по идее, должен был находиться инженер и на которой отображались нелинейные напряжения конструкций корпуса и его силовых полей. После чего испуганно выдавил:

– Мама дорогая…

На панели вместо аккуратной шарообразной формы консолидированных напряжений плясала немыслимая чехарда разноцветных сполохов. Силы, действующие на челнок, буквально разрывали его на куски… В следующую секунду вибрация переросла в жуткие толчки, и компьютер прекратил попытки стабилизировать энергосистемы судна, прекратив разгон и сбросив тягу двигателя на ноль. Если верить обзорной камере, от кормы челнока начали отрываться куски корпуса, а потом и самого двигателя. Панели в рубке моргали и тухли одна за другой. Боцман ожидал наступления невесомости, но его все сильнее и сильнее вдавливало в компенсатор, который, расходуя запас автономного питания, все еще пытался сопротивляться возрастающим нагрузкам. С трудом шевеля пересохшими губами, налетчик прошептал:

– Прости меня, господи…

И потерял сознание.

* * *

– То есть как это? Корабль исчез вместе с заложниками и похитителями? Мы вроде не в пустыне живем. Или у наших партнеров с Регула там такая помойка, что можно корабль как иголку в стоге сена потерять? Я понимаю, что это не линкор. Понимаю. Понимаю. Тоже понимаю. Но вот формулировку «корабль исчез» я понять не могу. И тем более это не может быть принято в качестве ответа на дипломатическую ноту. Как хотите, так и решайте!

Полномочный и представительный посол Российской империи в султанате Регул аккуратно положил трубку коммуникатора закрытой линии посольства, выполненного в стиле древнейшего переговорного аппарата, называемого когда-то телефоном, и вновь повернулся к Аркадию Петровичу, «по случаю» посетившему столицу султаната с неофициальным визитом. Впрочем, после всего произошедшего посол начал сильно сомневаться в этом самом «по случаю»…

– Саша Перов. Второй секретарь. Молодой еще, нервный немного, но ничего, парень толковый, – посол кивнул на коммуникатор и извиняюще улыбнулся.

– Так вы, значит, Аркадий Петрович путешествуете? А там, на этом челноке, от вашей компании никто случайно не путешествует?

Котов улыбнулся сквозь плотно сжатые губы и легонько кивнул головой.

– Да что вы, Андрей Маркович. Это я один бездельник. А моим ребятам путешествовать некогда. Они все подслушивают да подглядывают. Вот недавно подглядели где-то, что в конгломератах, чьи миры граничат с нашими «высокоинтеллектуальными» соседями, участились случаи исчезновения людей. Причем, говорят, прямо целыми кораблями, бывает, пропадают, но все больше небольшими. Прогулочные яхты там всякие, небольшие челноки…

Посол выжидающе уставился на собеседника, нервно крутя в руках лекционную лазерную указку для объемных изображений, а затем не выдержал и переспросил:

– Да что вы говорите, Аркадий Петрович. Вот ведь что творится… От наших-то партнеров такой информации не дождешься. Так что только на ваших ребят вся надежда, – после чего вздохнул и продолжил уже другим тоном: – Аркаш, да хватит в шпионов уже играть, в этом кабинете можно свободно говорить обо всем, кроме разве что упоминания всуе нашего Императора…

Он провел ладонью над своим столом, и над его поверхностью развернулось изображение звездных скоплений конгломерата Регул и прилегающих к нему миров конгломерата САК. После чего посол, поглаживая указательным пальцем глянцевую поверхность указки, сместил фокус изображения и увеличил отдельную его часть до масштаба, который позволил разглядеть не только отдельные звезды, но и их планетарные системы. Весь объем изображения был испещрен красными маркерами. Ткнув указкой в один из них, Андрей Маркович повернулся к своему давнему и близкому другу. Выбранный маркер открылся плоским окном, на котором четко выделялись изображения трех человек: мужчины, женщины и ребенка.

– Мухxамед Ждаир, Уласу Ждаир и их пятилетний сын. А вот это Ахмади-ан-Нахйян и три его жены – Гюльнара, Рева и Моса. Моса – совсем девочка… А еще с ними было четверо детей. И это всего лишь две семьи из нескольких десятков, пропавших за последний год только на территории этого эмирата. Прямо Бермудский треугольник какой-то…

– Какой треугольник? – недоуменно прервал руководитель «избы» на полуслове лирическое отступление посла.

– Эх! Молодежь! Историю планеты Земля неплохо бы вам подучить. Особенно в части мифов и легенд. Я так понимаю, ваше ведомство решило, наконец, обратить свой взор на это явление?

– Маркыч, не то чтобы это мы сами решили… Но, по сути, ты прав. И вся переданная твоим ведомством информация оказалась очень даже кстати. У тебя на карте отмечены только те «пропажи», которые официально приняты нашими партнерами из эмирата к активной разработке. На самом деле количество подобного рода событий стоило бы умножить на два, а то и на три. Давай-ка повторим по чайку, и я с тобой тоже немного поделюсь мифами и легендами. Не всеми, конечно, но теми, которые мне разрешили тебе озвучить…

Дежурный сотрудник посольства, слегка приоткрыв дверь в кабинет, поставил на стол еще по чашечке дымящегося свежезаваренного чая и, положив перед послом тонкий пластиковый лист с дешифрованным текстом, удалился из кабинета. Посол быстро пробежал взглядом по документу.

– Ну вот, все как всегда. Обломки спасательного челнока обнаружены в двух световых годах, то есть в полупарсеке от места нападения на круизный лайнер. Это, заметь, при том, что самостоятельно такое расстояние всего за три дня челнок преодолеть ну ни как не мог. Ни живых его пассажиров, ни их тел, обнаружить так и не удалось…

* * *

Боцман открыл глаза. Точнее, один глаз. Второй заплыл приличных размеров синяком. Нащупал руками песчаный грунт и попытался перевернуться с живота на бок. Все тело ныло, но подчинилось своему хозяину. Вот только результат изменения положения не внес в картину окружающего мира ничего нового. Над головой Боцмана стояла серая пелена, и определить, где он находится, бедолаге не удалось. Это место могло оказаться как замкнутым пространством внутри какого-нибудь корабля, например релаксационной зоной, так и поверхностью планеты или даже пещерой под этой поверхностью. В любом случае тот факт, что он еще не задохнулся, а заслугой этого точно не мог быть скафандр, прозрачное забрало шлема которого было расколото пополам, говорил о наличии воздуха. А также о пригодности этого воздуха для дыхания человека. Что в космосе встречается не так уж и часто. Все эти простые мысли в голове бандита и пирата с трудом пробивались через шум в его ушах, источник которого также определить не представлялось возможным. Боцман не стал пробовать подняться на ноги и рисковать треснуться головой обо что-либо твердое, а опять перевернулся на живот и попробовал ползти. Зачем? Куда? Если бы инстинкт самосохранения умел разговаривать, он бы объяснил вам, что жив человек только до тех пор, пока сохраняет способность к движению. И наоборот, если он сохраняет эту способность, значит, у него еще остаются шансы выжить. Через некоторое время глаза начали привыкать к окружающему полумраку, и сквозь серую пелену проступили очертания не то высокого кустарника, не то мелкого подлеска, отстоящего от него метров на пятьдесят и состоящего из низких, стелющихся ветвями по песку, кривых и чахлых зарослей. В этой ситуации уже можно было выбирать направление движения – как минимум в сторону обозначившихся ориентиров или, наоборот, в сторону, противоположную от них. Боцман даже почувствовал боль от того, что его губы

попытались растянуться в счастливой улыбке. Несмотря на все произошедшее, он был жив и, похоже, имел все возможности и далее пребывать в этом состоянии, а значит, у него опять появился шанс распоряжаться этим обстоятельством по своему усмотрению. Ведь не секрет, что многие, очнувшись после нокаута, полученного вследствие того, что им по голове прилетело что-то быстрое и тяжелое, воспринимают мутную картину перед глазами скорее как загробный пейзаж, нежели чем недавно утраченную реальность… Боцман присел на корточки и еще раз попытался осмотреться. До подлеска оставалось метров тридцать, но отдельные, наиболее «могучие» деревца, уже отчетливо возвышались над его головой. А туда, откуда приполз бедолага, вела отчетливая «колея» из отпечатков его собственных рук и коленей. Еще одна такая же колея приближалась к подлеску чуть левее от его собственной…

– Ешкин кот!

Тело пирата мгновенно распласталось на песке, пытаясь вжаться в его мягкую, немного влажную поверхность. Но было поздно. Боцман услышал отчетливое шарканье приближающихся к нему шагов, но решил до последнего никак себя не проявлять. Этого требовали от него как личный богатый опыт, так и наставления его различного рода учителей. Особенно тех, которые когда-то приняли на себя его воспитание в колонии общего режима. Но это не помогло… Чья-то уверенная рука ухватила лежащее тело за заплечный ремень скафандра и вновь перевернула на спину. Сквозь прищуренные веки Боцман разглядел три незнакомых ему мужских силуэта, один из которых склонился над ним, стараясь отодвинуть вверх остатки расколотого фонаря шлема. При этом он немилосердно дернул его так, что фонарь окончательно вылетел из направляющих, а в голове незадачливого налетчика очередной раз зашумело и захотелось блевать.

– Не-а. Это не он. Видать, из бандитов, сука. Жаль, что тоже дохлый, щаз бы ему ногой по роже настучать – так мне бы точно сразу полегчало.

Эта обнадеживающая фраза принадлежала именно тому мужику, который склонился над Боцманом. Двое других продолжали, оглядываясь по сторонам, стоять чуть в стороне от найденного ими тела. Мужики были плечистыми и, по всему видать, не хилыми ребятами, так что кидаться на них без оружия у Боцмана не было абсолютно никаких оснований. Но и продолжать лежать на спине он больше не мог. Порывы рвоты победили страх, и Боцман, дернувшись всем телом и скрючившись в позе эмбриона, перевалился набок.

– Живой, сволочь!!!

Петруха ловко отскочил в сторону от пачкающей песок липкой жидкой субстанции и, повернувшись к друзьям, протянул руку.

– Давай лианы. Свяжу его, а то вдруг оклемается.

Уголь протянул Петрухе связку свежесрезанных в обступающих «берег» джунглях, тонких, но очень крепких желтоватых отростков и недовольно сообщил:

– Полчаса собирались на обход, я себе все руки изодрал, пока по кустам лазил, а теперь все снова…

Петруха, ловко стягивая запястья и лодыжки Боцмана у него за спиной, при этом старательно сопя и переминаясь с одного колена на другое, примирительно заявил:

– Да не нуди, Уголь. Я сам в кусты схожу. Не проблема. Дотащим урода до лагеря, привяжем к дереву и вернемся. Вот сейчас по карманам у него пошарю и потащим.

Он хлопнул Боцмана по спине тяжелой ладонью и встал с колен.

– Ну что, парни. Я вязал, вы тащите.

При этих словах его лицо озарила такая неподкупная, сияющая крепкими ровными зубами улыбка, что Демиду и Углю ничего не оставалось делать, как приподнять «упакованного» пирата за локти и поволочь по песку в сторону низкорослых деревьев песчаного «пляжа».

* * *

Все трое доблестных представителей Лукового Камня пришли в себя практически одновременно. Они продолжали вместе с захваченными «пылесосом» заложницами оставаться в той самой сетке «пылесборника», где

провели последние минуты перед тем, как кораблик начал рассыпаться по частям. Но теперь сетка никак их не обременяла, ее куски частично свободно свисали с комбинезонов, частично были раскиданы вокруг. Женщины были живы, отсутствие внешних повреждений, устойчивый пульс и равномерное дыхание говорили о том, что оказывать им первую помощь не имеет смысла. Нужно просто подождать, когда они сами придут в сознание. Именно Петруха первым сориентировался на местности и, несмотря на окутывающую их серую мглу, предположил, что равномерно накатывающийся на них шум есть не что иное, как прибой, а сами они находятся в мангровых зарослях недалеко от пляжной линии этого самого прибоя. Следующей новостью для парней стало то, что из ближайших кустов выползло еще одно тело. Причем не то, покрытое сероватой чешуей и без признаков органов зрения на лице, хозяин которого и стал причиной их нынешнего положения, а то, которое, употребив всего полкружечки пива в буфете планетарного парома, взялось приставать к ним с неприличными вопросами. Да, это был Ариэль Куммер собственной персоной. На вопрос: «А ты как здесь?» Арик выдавил что-то про преферанс, по пулю и про то, что Демид должен ему пять имперских кредитов, после чего опять упал носом между сучковатых корней местной растительности.

Женщины наконец пришли в себя и настойчиво потребовали внимания к своим первоочередным нуждам. Та, что помоложе, удалилась в заросли прибрежной растительности, та, что постарше, слабым голосом попросила пить и, прильнув к фляге, закрепленной на пояс одного из комбинезонов, сделав несколько жадных глотков, вновь погрузилась в беспамятство. После недолгого совещания было решено выйти к «прибрежной» полосе и попробовать пройтись вдоль предполагаемого «берега» в поисках возможных спасшихся пиратов. Ожившего представителя Земли обетованной оставили присматривать за женщинами. Два бездыханных тела в комбинезонах Демид обнаружил сразу, как только они вышли из подлеска. Оба бандита были мертвы. У одного из них в уголках рта уже запеклась и почернела тонкая струйка крови, второй имел синюшный след поперек шеи. Не то он снимал что-то с головы, не то, наоборот, не успел надеть в тот момент, когда его застали врасплох перегрузки, но именно это что-то и убило своего владельца. Оттащив тела по песку под прикрытие деревьев, геологи решили вооружиться длинными связками лиан, поскольку, удалившись от подлеска метров на сорок-пятьдесят, ориентироваться на сером песке в сером тумане становилось совершенно невозможно. Пока Уголь, отчаянно продираясь сквозь колючие заросли в сторону от звуков «прибоя», резал абордажным армейским ножом, снятым с комбинезона одного из упокоившихся, длинные скользкие отростки лиан, «на огонек» к импровизированному лагерю приполз новый нежданный посетитель. Это был Витя. Даже в изодранных

в клочья брюках и в остатках грязной рубахи, первоначальный цвет которой теперь смогла бы установить только судебно-медицинская экспертиза, он был прекрасен. Его не портили даже несколько неглубоких ссадин и синяков. В руках он продолжал тащить за собой все тот же отчего-то столь дорогой для него кейс, который с честью пережил все свалившиеся на путешественников злоключения. Первым его вопросом, обращенным к общественности, был вопрос о местонахождении его супруги. Получив отрицательный ответ, Витя присел на длинное полено и впал в полное оцепенение. Поэтому ко второй фазе экспедиции его было решено не привлекать.

При виде связанного Боцмана Оленька опять потянулась к зарослям, а Витя попытался бросить в него увесистый булыжник, который невесть откуда взялся в его правой руке. В Боцмана Витя не попал. Булыжник угодил в колено Петрухе, и если бы не гофрированная бронепластиковая защита этого важного для организма органа, то, скорее всего, следующей целью булыжника стал бы сам стрелок. Петруха гаркнул сначала на растерянного Витю, потом на попавшегося ему под руку Арика, в том смысле, что негоже кидаться разного рода предметами в военнопленного. А если вдруг в этом возникнет необходимость, то кидаться этими предметами будут все вместе, и не вразброд, а по команде. Демид опять только покачал головой, а Уголь напомнил «командиру», что настала его очередь лезть за лианами в колючие кусты.

Первым в точке, с которой все еще были видны контуры проступающих сквозь серое влажное марево деревьев, как самого горластого, оставили Петруху. В обязанность ему вменили орать сразу, как только он начнет терять из вида продолжающих двигаться на шум «прибоя» Демида и Угля. Метров через пятьдесят после первых же матерных криков, утопающих в нарастающем гуле, но достигших-таки его ушей, Уголь остановился и обвязал себя одним концом длинной, сплетенной из свежесрезанных лиан веревки. Вторым концом он обвязал Демида и только после этого двинулся дальше. Конца и края, казалось, не будет ни этому туману, ни этому шуму в ушах. Однако веревка все еще имела слабину, и эта самая слабина чуть не сгубила ничего уже не видевшего даже под собственными ногами Угля. Спасла же его, как ни странно это может прозвучать, Витина жена. Именно за ее труп зацепился ступней и тут же замер на месте Уголь. Хорошо, что ему хватило духу не отпрянуть в сторону или, что хуже, не пуститься в бега. Труп женщины лежал на самом краю пропасти, отвесно падавшей вниз на неизведанную глубину. Именно из этой глубины, словно из огромной, широко открытой пасти чудовища, доносился жутковатый, разрывающий барабанные перепонки грохот. Казалось, миллионы тонн металлических шариков падают на тонкий оцинкованный лист кровельного

железа, скатываются по нему и пропадают в бездонной пустоте. Оттуда же поднимался этот липкий и плотный туман. Он рваными клубами выползал на поверхность обрыва, как отрыжка обожравшегося этими самыми шариками сказочного дракона.

Медленно отодвинувшись назад, Уголь присел на корточки, потом пригладил вставшие дыбом на голове волосы и постарался успокоить дыхание. Однако дышать здесь тоже было тяжело… В том, что женщина была мертва, у него не было никаких сомнений. Ее ноги были широко раскиданы, а одна из них была вывернута в коленном суставе в обратную сторону, словно у старой куклы, попавшей ненадолго в плен к мальчишкам. Руки у лежащего ничком тела были заведены за спину и неестественно выкручены. В правой ладони трупа, крепко сжатой в кулак, между большим и указательным пальцами был зажат тонкий черный шнурок с небольшим, нанизанным на него православным крестиком. Уголь еще раз посмотрел на мертвое тело женщины и, преодолев гадостную слабость в животе, постарался перевернуть его на спину. Голова откинулась навзничь, и на геолога уставились пустые окровавленные глазницы черепа. «Как это? Нет уж, я ее туда не потащу», – подумал Уголь и решил, что лежать вот так рядом с обрывом еще хуже, чем пропасть без вести. Он легонько толкнул ногой свою «спасительницу» к краю отвесной стены. Тело, перевалившись через него, исчезло в липком мареве тумана, улыбнувшись на прощание Углю двумя рядами ровных, белоснежных зубов.

Проводив тело взглядом, Уголь двинулся в обратный путь, осторожно потянув за импровизированную веревку. Веревка как-то странно провисла, но Уголь продолжал упрямо двигаться вперед. И тогда, когда ему в голову вдруг пришла сумасшедшая мысль о том, что и Демид и Петруха давно убежали в лес, бросив его здесь одного, он носом к носу столкнулся с Демидом.

– Ты чего?

Демид осторожно взял Угля за плечо, каким-то шестым чувством догадываясь, что тому срочно нужна поддержка, иначе он сейчас же упадет на песок и зайдется ревом, таким же, каким заходился в детстве, если вдруг понимал, что кто-то близкий беззастенчиво обманывал его в самых сокровенных надеждах, и тихо спросил:

– Ты что такой бледный как смерть? Что там, в тумане? Ты нашел море?

Уголь оперся на жилистую руку Демида и, буквально выцеживая из себя звук за звуком, постарался ответить на непривычно длинную для последнего вопросительную фразу:

– Ничего там, Демид, нет. Только смерть…

* * *

– Именем Императора и во исполнение решения полноправных представителей Российской империи мы, нижеподписавшиеся, на основании статьи Кодекса об управлении на новых территориях – восемнадцать бис пункта четыре, приговариваем гнусного пирата и похитителя к смертной казни через повешение…

Это было первым, что услышали исследователи «побережья», приближаясь к своему лагерю с несчастными жертвами катастрофы челнока, оставленными ими на попечение Арика. Суровый женский контральто, явно принадлежащий еще совсем недавно немощной пенсионерке, с четко рассчитанными паузами и выделенными ударениями, словно она диктовала текст на уроке по русскому языку, не оставлял Боцману никакого шанса на апелляцию. Оборвалась речь исключительно потому, что все трое отсутствующих разом вывалились на полянку и тем самым прервали происходившее на ней таинство судопроизводства.

Расстановка сил на полянке с того момента, как друзья зафиксировали связанного Боцмана у ствола ближайшего дерева, кардинально изменилась. Бесчувственное тело «ответственного за порядок» лица с приличного вида шишкой на лбу было так же аккуратно связано и лежало рядом с самим «гнусным пиратом». Изо ртов обоих плененных торчали когда-то связанные мамой вечного студента, но, естественно, давно никем не стиранные, шерстяные носки. У Боцмана – правый, у Арика – левый. Возможно, и наоборот. Напротив этой пары, на толстом, еще не сгнившем стволе восседала троица судей.

Оленька, занимая большую часть бревна, бросала через плечо Натальи укоризненные взгляды на Витю, приютившегося на самом его краешке. Было очевидно, что первоначальное расположение «заседающих» в какой-то момент было нарушено Витей, покинувшим свое место и укрывшимся от настойчивой преследовательницы за небольшой, но надежной фигурой пенсионерки. При

этом «отважный рыцарь» отнюдь не бездействовал, а ловко орудовал перочинным ножиком, вырезая из упругой корявой ветки рогатку. У него на колене лежала желтая в черную полоску, широкая и достаточно длинная резинка, явно принадлежащая одному из элементов женского нижнего белья, пожертвованная, видимо, на нужды вооружения «полноправных представителей». Бесценный кожаный кейс по-прежнему находился при нем, будучи плотно зажат между его голых, ободранных коленей. По левую руку от Вити возвышалась горка аккуратно подобранных камешков размером с куриное яйцо. По центру, аккурат между «моделью» и предметом ее устремлений, с гордым и приличествующим ситуации серьезным видом восседала Наталья. В своих руках она держала листок писчего пластика, испещренного мелким аккуратным убористым почерком. Все трое упомянутых судей, едва заметив вернувшихся, мгновенно напрягли мышцы ног, но с места не сдвинулись, видимо, считая, что данный факт в текущем раскладе ничего уже не меняет.

Петруха вынул изо рта студента пожеванный носок и легонько пошлепал его по щекам. Тот сделал глубокий вдох и открыл глаза. Уголь вынул второй носок изо рта Боцмана и понял, что погорячился…

– Эта старая тварь, метлу ей в ж… предлагала найти муравейник, снять с меня портки и посадить меня голыми яйцами на… Мужики, да лучше бы я на зоне балки стальные резал… Да что же это за бардак… Да кто этой паскудине дал право… А этот боров парню камнем по башке… сука!

Уголь опять запихнул носок Боцману в рот и тяжелым взглядом окинул группу «полномочных представителей».

– Вода заканчивается. Никакого моря здесь нет, поэтому очистители жидкости в скафандрах нам ничем не помогут. Нужно идти вдоль зарослей: или найдем чистый ручей, или сдохнем здесь все. Без повешения и побития друг друга камнями, на основании статьи восемнадцать бис…

Арик, присев на корточки, пробовал непослушными пальцами натянуть на ногу носок и одну из лежащих рядом кроссовок.

– Парни, если у нас тут все наладится, напомните мне, чтобы я постирал-таки свои носки, а то второго такого случая мне не пережить…

Глава 2

«Проект совесть»

«Совесть мучает обычно тех, кто не виноват».

Э. М.?Ремарк

Хоаххина так вертело, крутило и выворачивало, что он из сознания не выпадал. А может, просто оклемался первым после «перехода» из разваливающихся обломков челнока на поверхность планетоида (как он полагал). К группе пострадавших он присоединяться не стал, справедливо считая, что, где бы все они не находились, попали они сюда не случайно. А поэтому гораздо полезнее наблюдать за ситуацией, не привлекая к себе внимания и не отягощая себя шумными попутчиками. Какими бы полезными ни были наставления Учителя, но совершенно не прибегать к «внешнему» взгляду на окружающую реальность полковник позволить себе не мог. Поколебавшись несколько секунд, он быстренько и лёгонько «пошарил» буквально под самыми своими ногами и, не солоно хлебавши, вновь надел на нос свои чудом уцелевшие нейроактивные очки. Ничего живого! Ничего живого в радиусе километра вокруг! Ни червячков, ни жучков, ни тем более млекопитающих он не обнаружил. За исключением, конечно, уже знакомых ему туристов и командира налетчиков. Самое время было посмотреть, что там, в голове, сохранилось от самораспаковки.

Файл предлагал ознакомиться с детальной статистикой по не расследованным исчезновениям людей в секторах, прилегающих к пограничью, с момента начала первого «перемирия» с Могущественными. За более ранний период любая подобная статистика не имела смысла. В пространстве секторов, охваченных боевыми столкновениями, так называемом Фронтире, пропажа живого разумного организма никого особенно не смущала и не очень-то интересовала. Плюс имелась почему-то наложенная на эти пропажи информация по фактам исчезновения (кражам, попыткам скупки, мошенничеству) старинных артефактов, вывезенных еще с Земли и разбросанных по территории человеческого космоса – по государственным музеям или частным коллекциям. В списке превалировали текстовые документы, свитки и очень древние артефакты в виде глиняных табличек, дощечек и еще черт-те чего, с нанесенными на все это различного рода символами. Совмещение этих двух

баз давало интересный результат. Оказывается, половина из пропавших граждан так или иначе была связана с расследованиями по исчезновению указанных выше артефактов. Кто-то подозревался в их краже, кто-то в выкупе и нелегальной транспортировке. И еще более интересный результат получался при отсечении остальных пропавших. Пространственные точки координат инцидентов, выстроенные в порядке временно?й шкалы, давали четкую траекторию, пересекающую всю приграничную область, то есть без малого десятую часть диаметра галактики. А упирался этот вектор аккурат в межсистемную трассу пассажирских транспортных кораблей, связывающую конгломераты РИ, Регула и САК, то есть в то самое место, в котором «Жемчужина Короны» покинула подпространство и приступила к экстренному торможению.

– Ай да Ярл. Ай да сукин сын!

Далее перечень последних криминальных инцидентов с артефактами ссылался на некоего чиновника Российской империи, заместителя министра культуры на планете Калган Виктора Ивановича Пуговкина, проходившего свидетелем по делу об утере из планетарного музея древностей русской культуры одного из важнейших экспонатов, а именно – еще доордынской рукописи на бересте. В базе пропавших без вести Виктор Иванович естественно, не состоял. Точнее, «естественно, не состоял» на период формирования последней версии этой базы.

Еще одним отмеченным грифом «Для обязательного ознакомления оперативника» следовал материал «Дело №?1615/98» о похождениях некоего Боцева Павла Владимировича, откликающегося также на погоняло Боцман, который входил в список лиц, контактирующих с агентом Поциком, собственно, и передавшим «куда следует» некоторые высказывания бывшего зэка.

Далее следовала краткая и очень скудная информация о попытках сотрудников спецподразделений САК, которые в вынужденном и кратковременном союзе с секретной службой султаната Регул попробовали обнаружить некий объект, предположительно движущийся вдоль пограничья по уже указанной выше траектории.

– Сколько тут всего, а в нашей епархии – ни сном ни духом! Или я так занят был, что такая пуля стороной прошла…

Полковник еще раз пересмотрел все, что Учитель счел нужным напихать в архив модуля постановки задачи, и, окончательно удостоверившись, что ничего, прямо указывающего на источник опасности, во всем этом материале нет, пришел к выводу, что за всем этим действительно и непременно присутствуют его давние «противники», или, как иронично называл их Черный Ярл, – «наши партнеры», Могущественные.

От работы Хоаххина оторвали громкие женские крики и перебранка, доносившаяся со стороны «мангровых» зарослей, вплотную прилегающих к серому песку. Полковник присмотрелся. Группа потерпевших гуськом двинулась вдоль стены странных, необитаемых джунглей. Колонну возглавлял немногословный Демид, за ним следовал щуплый студент и дамы. Далее двигался Виктор Иванович со своим чемоданчиком. Упираясь носом ему в спину, брел уже развязанный и без своего разбитого шлема Боцман. Замыкали это шествие первопроходцев Петруха с Углем. Люди двинулись по песку, не удаляясь от чахлой растительности более чем на пять-десять метров. Хоаххин легко спрыгнул с высокого пенька, увитого старыми, давно одеревеневшими лианами, и последовал параллельно группе, надежно укрытый от их внимания упорно пытавшейся ухватить «слепого» путника за ноги растительностью. Очки позволяли полковнику легко сопровождать «цели», используя такие диапазоны, которые недоступны для человека с нормальным зрением. Сто гигагерц оказались самой приемлемой в условиях серого тумана частотой для наблюдения за колонной, позволяя видеть все более-менее и не привлекать внимания. Тем более что опыт быстрого и скрытного передвижения в джунглях у него имелся в избытке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/budeev_roman/vechnyy-kto-est-kto

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить